

Владимир Вигжай

ЖИТЬ

СА
ДВОИМ

Владимир Виджай

Жить за двоих

«Издательские решения»

Виджай В.

Жить за двоих / В. Виджай — «Издательские решения»,

Главный герой романа «Жить за двоих» Сергей Аксаков родился и вырос в СССР. Советские мальчишки послевоенных лет выросли рано. Герой романа Серж совсем юным начинает понимать, что в его стране что-то не так. Проблемы взрослых людей втягивали в свою пучину и подростков. Роман обладает ещё одним весьма ценным качеством: эта история наверняка оставит след в вашей душе. По той простой причине, что очень многие читатели узнают в ней себя и то, что им дорого.

© Виджай В.

© Издательские решения

Содержание

Осень, 1985	6
1942—1945	10
1985	14
1948	18
1985	26
1948—1952	30
1986	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Жить за двоих

Владимир Виджай

Посвящая брату Юрию

© Владимир Виджай, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Осень, 1985

Она принадлежала к тому типу женщин, который так нравится мужчинам: эффектная, стройная, полногрудая блондинка. Прекрасно зная о том неотразимом впечатлении, которое она производит на мужскую половину, и пользуясь этим, она чувствовала себя всегда уверенно и мужчин выбирала сама. Особую опасность представлял её ум. Острая на язык, от подруг получила она кличку «Бритва». Начитанная, хорошо владеющая речью, она сразу становилась хозяйкой положения, и слабые мужчины быстро отказывались от попыток завоевать её.

В этот вечер она была в ударе. Её коллега по работе по случаю своего дня рождения воспользовалась связями и устроила шикарный девичник в престижном баре в центре столицы, закрытом для обычных посетителей. «Девочки», старшей из которых перевалило за пятьдесят, веселились от души, пользуясь редким случаем отдохнуть от домашних забот. Она так и сыпала анекдотами, вспоминала смешные казусы, которых бывает немало в работе переводчика. Женщины хохотали до слёз. Все пили французское шампанское.

Москва как будто встрепенулась после долгого сна и начала прихорашиваться, стремясь всё больше и больше походить на европейскую столицу. Перемены витали в воздухе, и слово «перестройка» вселяло надежду на то, что наконец и в нашей многострадальной стране люди заживут не хуже, чем на Западе.

Сегодня была среда. По средам он часто после офиса заезжал в свой любимый клуб пропустить в одиночестве стаканчик-другой виски – как правило, в середине рабочей недели в клубном баре и ресторане было немногочленно. В лифте он поднялся на третий этаж, где находился бар. Его ждали: бармен на входе поприветствовал уважаемого члена клуба с подострастной улыбкой и сразу же поспешил к тому месту у стойки, где обычно сидел его посетитель. Вопросы были излишни: бармен точно знал привычки, вкусы и предпочтения своих постоянных клиентов.

Она сидела к входу боком, но, услышав, как бармен здоровается с новым посетителем, повернулась и уже не могла отвести взгляда. Она украдкой наблюдала за ним и, даже перебиваясь шутками с подружками, старалась не выпускать его из поля зрения. Внешне он резко отличался от всех тех, с кем она когда-либо была знакома. Особенная манера держать себя, особая стать. Элегантный костюм подчёркивал его аристократизм, а бабочка, повязанная вместо галстука, смотрелась на нём удивительно гармонично. «Какой он естественный», – подумала она.

Компания заказала очередную бутылку шампанского. Откупорив бутылку и разлив шампанское по бокалам, бармен собрался уходить, когда она, как бы невзначай, спросила его:

– Кто этот иностранец?

– Думаю, он из наших – слишком правильно он говорит по-русски, даже наши немногие так умеют. Не считая вас, конечно, – не удержался от галантного комплимента бармен.

В баре были только он и её компания. Он ей очень понравился. Она переживала, что он как будто не замечает её, яркую шикарную блондинку, перед которой не мог устоять ни один мужчина.

Закончив «разминку» в баре, весёлая компания засобиравалась в ресторан, чтобы поужинать. Она зашла в дамскую комнату. Поправляя макияж, она увидела в зеркале отражение своего лица, вдруг показавшегося ей незнакомым. Что с ней? Бледная, глаза лихорадочно блестят, внутри всё дрожит... Нет, такого не может быть, она давно уже вышла из того нежного возраста, когда верят в любовь с первого взгляда! Но незнакомец из бара её как будто зацепил, да так, что по сердцу царапнуло. Ну не могла она просто так развернуться и уйти! Решение пришло внезапно.

Она подошла к нему так, как подошла бы к своему старому знакомому:

- Что пьёте, «Чивас Ригал»?
- Не совсем. Это «Роял Салют».
- Я о таком и не слышала.
- Существует много вещей, о которых мы не слышали...

Она обратила внимание, что он сказал «мы», а не «вы». Возможно, в другой ситуации она не заметила бы такой мелочи, но сейчас для неё это прозвучало многообещающе.

- Меня зовут Алла.
- Спасибо, не каждый вечер ко мне сами подходят такие очаровательные блондинки.

Друзья называют меня Серж.

- Вы не хотите угостить меня, Серж?
- Я – с удовольствием, но что скажут ваши подруги?
- Они поймут и простят меня. Со мной такое тоже не каждый вечер случается.
- Тогда ещё один «Роял Салют», вдвоём лучше пьётся...

Они ехали на машине по ночной набережной Москвы-реки. Серж вспоминал, что нечто подобное с ним случалось только в студенческие годы. Как это было давно! Он нравился девочкам и, когда бывал в ресторанах со своим старшим братом Александром, часто получал от девочек записки с просьбой пригласить их на танец – добрая старая, но, к сожалению, забытая традиция. Конечно, Сержу льстило повышенное женское внимание, но больше всего это приводило в неподдельное восхищение его старшего брата. Серж без ложного кокетства признавал, что с успехом может сражаться на «женской ниве», хотя чаще ему приходилось самому добиваться любви женщин. Так что сегодняшний случай был особенный.

Ехали молча. Серж думал о негаданном знакомстве и удивлялся. Алла как будто прочитала его мысли:

- Ты, наверное, сейчас думаешь, кого же ты «подцепил»? Если у тебя есть какие-либо сомнения, отвези меня домой, – я живу на Кутузовском.
- Неужели ты подошла ко мне, бросив своих подруг, чтобы теперь говорить такие глупости?
- Мне почему-то кажется, что ты принял меня не за ту женщину...
- На ту женщину ты совсем не похожа. Ты похожа на женщину, – Серж слегка притормозил машину и продолжал, – которая мне нравится. Да, мы поедem домой, но ко мне.
- Кажется, у тебя кончается бензин, – заметила Алла.

Они заехали на заправочную станцию. Очереди за бензином уже исчезли, но сами заправки ещё были далеки от тех, к которым Серж привык за границей. Сквозь опущенное стекло в салон проникал запах прелой листвы, влажного после дождя асфальта и бензина. Работала только одна колонка. Серж уже закончил заправлять машину и стал осторожно вытаскивать сопло из бака, слегка встряхивая его, чтобы капли бензина не попали на пальто, когда услышал сзади мат. Серж обернулся. Облокотившись на новенькую «четвёрку», там стоял водитель – парень в тренировочном костюме с зажженной сигаретой в зубах, из открытой двери автомобиля доносилась громкая музыка. Парень явно был одним из тех, кто не так давно почувствовал себя хозяином этой новой, стремительно меняющейся после долгого застоя жизни. С этими мутными, полукриминальными личностями, вообразившими себя пупом земли, опасались связываться – у них отсутствовали какие-либо правила и принципы, они могли ударить человека ножом просто так, ни за что. А они утверждались в своей силе, привязываясь к тем, кто, по их мнению, не сможет дать достойного отпора. Вот, например, такой интеллигент с бабочкой. На иномарке, сука. Да ещё с тёлкой. Подходящий объект для издевательств ночью на пустынной заправке. Заправщицу можно в расчёт не принимать – ей тоже жить охота. Хам смачно плюнул под ноги Сержу и громко, чтобы было слышно сидящей в салоне женщине, добавил:

– Чо «пистолетом» трясёшь? Это тебе не член, кончай быстрее! Тебя вон баба ждёт – перед ней и потрясёшь!

Гнусно, по-лошадиному заржал. И опять мат, грязный, мерзкий, оскорбительный...

Серж увидел растерянное и слегка испуганное лицо своей новой знакомой. Он ободряюще улыбнулся ей и, ничего не ответив хаму, сел в машину. Наглец что-то оскорбительное ещё и крикнул вслед – «на дорожку». Но отъехал Серж совсем недалеко. Возле заправки был небольшой сквер. Остановив БМВ у обочины, Серж обратился к Алле:

– Извини меня, пожалуйста, я – на минутку. Мотор не выключай, я сейчас.

Всё остальное было как во сне. Алла увидела, как Серж уверенным быстрым шагом подошёл к тёмной фигуре на заправке. На минуту они застыли друг напротив друга, губы Сержа шевельнулись, он что-то сказал. Потом последовало молниеносное, почти неуловимое движение – и заправочный шланг оказался в руках Сержа. Наглец, не ожидавший нападения от интеллигентного с виду мужчины, с головы до ног, как под душем, искупался в бензине. Тонкие бензиновые струйки поползли по асфальту, подбираясь к недавно выброшенной тлеющей сигарете. Вспыхнула искра – и хам истошно завопил, объятый ярким пламенем... Алла ещё не пришла в себя, а Серж уже гнал машину прочь от заправки. Через полчаса они были на съёмной квартире у Сержа.

Не снимая пальто, Серж привлёк к себе Аллу. Они целовались так, как будто ждали этого момента всю свою жизнь. Они раздевали друг друга, продолжая целоваться... Запах её тела разжигал в нём страсть, адреналин в крови требовал выхода, но он не хотел торопиться...

Она отдавалась ему, как будто в последний раз, и издалека слышала свои слова: «Я хочу, чтобы это продолжалось вечно...» – Потом они долго лежали молча.

– Там, на заправке, почему ты так сделал? – прервала она молчание.

– Не терплю хамства и ненавижу тех, кто унижает других. Я никому и никогда не позволю этого.

– А что ты ему сказал?

– Я сказал: «Ты-то теперь точно трясти не сможешь!»

– Неужели так запросто ты можешь сжечь человека?

– Нет, человека вряд ли. Только это нелюдь. Такого – да. Только «сжечь» – громко сказано. Судьба сама распорядилась, я всего лишь поспособствовал.

Снова молчание. Алле стало немного страшно. Ведь она, в сущности, совсем не знала Сержа. Кто он такой? Чем занимается?

Природа наделила Аллу не только физической красотой, но и удивительной способностью анализировать всё, что происходит вокруг, и одновременно абстрагироваться от чувств, которые могут вызвать те или иные люди или события. Подруги называли её расчётливой. «Алла не промахнётся», – говорили про неё.

«Неужели я всё-таки промахнулась сегодня?» – подумала она.

А Серж размышлял о том, что совсем неожиданно для себя встретил женщину, которая вновь пробудила в нём желание быть сильным, созидать и утверждаться. Он приблизился к ней и поцеловал её горячие губы.

– Если это только сексуальное влечение, то с этим можно будет справиться, – мелькнула у неё мысль.

Но что-то внутри подсказывало, что этот человек никогда бы не привёл к себе женщину, в которой ищет только сексуального партнёра.

«Нет, я должна узнать о нём всё, и как можно скорее», – решила она. И вслух спросила:

– А всё-таки кто ты?

– Ты спрашиваешь, кто я. Честно говоря, ответить не так-то просто. Не надо быть гением, чтобы понять, что тебя интересуют не детали. А если по существу, то это длинная история.

– Ну и расскажи мне.

- А ты думаешь, что у нас будет много времени?
- Я очень хочу на это надеяться.
- Тогда – нас двое. Но сначала давай я угощу тебя чаем по-английски, – предложил Серж. – Рассказ будет долгим...

1942—1945

Тёплой бархатной осенью сорок второго в городе появились немцы. Неожиданно, по крайней мере, для детей, резвившихся на траве напротив бывшего купеческого дома. Большая базарная площадь заполнилась странными людьми на грохочущих мотоциклах. Это были немецкие солдаты. Серёже уже исполнилось четыре года. В детской памяти на всю жизнь запечатлелись картины оккупации его маленького городка: мотоциклисты на базарной площади; немцы, засучив рукава и весело гомоня, моются на улице у колонки, не обращая никакого внимания на столпившихся ребятишек; на веранде во главе длинного стола, покрытого белоснежной скатертью и заставленного тарелками с невиданными лакомствами – белым хлебом, маслом, сыром, чинно выпрямившись, сидит немецкий офицер в чёрном мундире с заложённой за ворот крахмальной салфеткой и пьёт кофе, подливая себе из фарфорового кофейника. Серёжа знал, что его отец ушёл на фронт, и потому недоумевал, как это может быть: ведь отец с немцами воюет, а немцы оказались здесь и завтракают во дворе его дома. Страху почему-то Серёжа не помнил, хотя и просыпался по ночам от гула то ли немецких, то ли советских самолётов. Он прятался с матерью в тёмном бомбоубежище при бомбёжке или артобстреле. Играя с сестрёнкой на улице, Серёжка слышал иногда тоненький свист и видел потом как бы сами собой отлетевшие куски извёстки от белёного фасада купеческого дома за спиной... Но всё это он воспринимал как обычную, нормальную жизнь. Детство – счастливая пора неведения и жгучего любопытства. Ребёнок жадно ловил разговоры соседей о том, что немцы в туалетах на заднем дворе установили что-то вроде стульев – в уборной можно теперь сидеть, но только немцам. Куда ходили справлять нужду все остальные, мальчик не помнил...

В войну дети выросли быстро. Мужали они на улице. Их матери день и ночь, кто как мог, занимались добычей пищи. Проблема не умереть с голоду была проблемой номер один. Дети не знали, что их матери ложились спать и вставали только с одной мыслью – как и чем накормить детей. Мальчишки, конечно, этой проблемы не знали, они только постоянно испытывали чувство голода. Голодными они засыпали и голодными просыпались. Есть хотелось всегда, а что – не имело никакого значения. Дети войны... Те, кто выжил, станут особым поколением. Это поколение уже в семилетнем возрасте вовсю курило, любило, воровало в садах и огородах, подворовывало на базарах, носило с собой кастеты, финки...

Почти через год Серёжа проснётся от звуков гармошки. Во дворе появились советские солдаты. Оказывается, немцы ушли, пока мальчик спал. На этом война с немцами для мальчика окончилась, но он тогда ещё не знал, что не менее суровые испытания ожидают его впереди...

Соседи во дворе, не скрываясь от Серёжи, громко обсуждали ситуацию с его матерью:

– Варя умрёт. Она не выдержит.

– Что же станет с её детьми?

Детей было четверо: старшему, Александру, едва исполнилось шестнадцать, Аркадию – восемь, да малыши – четырёхлетний Серёжа и трёхлетняя Дина. Дети останутся без матери. Отец – на фронте, от него давно нет никаких вестей. Близкая с Серёжиной семья Цветаевых, особенно бабушка Настя, повторяла:

– Нет, Варя справится, она выдюжит. А если и случится беда, мы возьмём детей к себе. В детский дом не пустим!

Цветаевы жили втроём: бабушка Настя, её дочь Анна и внучка Светка. Светкин отец был известным лётчиком, семья жила в достатке. Светкина мать, тётя Аня, любила Серёжу, он часто бывал у них дома, и ему очень нравилось обедать вместе с ними. У себя дома он никогда не ел так вкусно.

После тяжёлой операции Варя стало ещё хуже. Многие запричитали и опять заговорили о детском доме. Бабка Настя и тётя Аня заявили во всеулышанье:

– Никогда! Варины дети будут жить с нами.

...Мать часто плакала – от отца по-прежнему не было известий. «Без вести пропавший» – обычная сухая формулировка, за которой стояли сотни тысяч исковерканных судеб. Но Варя продолжала верить в то, что увидит своего мужа живым, и, может быть, именно эта вера помогла ей преодолеть болезнь и все тяготы военной жизни.

Серёжка помнил, как ранним утром пришедший к ним в дом на консультацию врач сказал: она будет жить. И Варя пошла на поправку. А семью Цветаевых стали уважать во дворе ещё больше.

Вообще, двор, в котором жил Серёжа, был дружным. Центральная улица напротив базарной площади сплошь состояла из одно- и двухэтажных кирпичных купеческих домов – до революции местная ярмарка была в России второй после нижегородской. В самом большом доме, с резной деревянной лестницей, ведущей сразу на второй этаж, на манер боярских построек XV века, Серёжиной семье выделили внизу две комнаты. За домом располагался огромный двор: в передней части двора, на входе, была выстроена кирпичная арка с дубовыми воротами. Там же стояли пять добротных одноэтажных кирпичных домов и был разбит роскошный сад, где росли и плодоносили тутовник, сливы, абрикосы. В задней части двора находились туалеты и деревянные хозяйственные постройки – тут соседи держали коров, кур, поросят.

Достопримечательностью заднего двора была высоченная груша-рогатка – мощный ствол груши раздваивался, а кроны возвышались над домом.

В мае 1945 года во дворе поселились три брата. Для всех они были чужаками. Поговаривали, что братья партизанили. Поселили их в одной из лучших квартир во дворе – в маленьком отдельном домике, стоявшем на границе между главным и задним двором. До войны здесь жил капитан дальнего плавания с целой сворой собак. Когда немцы отступали, он ушёл вместе с ними и исчез навсегда.

Три брата держались стороной. Они торговали вином и шашлыками на местном рынке. В их забегаловке всегда толпилась куча народу. Когда торговля на базаре заканчивалась, братья быстро сворачивались, запирали шашлычную и возвращались домой подсчитывать барыши. Базар же продолжал жить своей жизнью. Это было самое интересное время для всех мальчишек. Основательно «приняв на грудь», парни, которые совсем недавно сражались с немцами и вернулись домой искалеченными, продолжали воевать в мирной жизни. Базар становился для них полем битвы. Пьяные драки – именно их дожидались мальчишки, замороженные звериным инстинктом молодых мужиков. Мальчишки бегали по базару в поисках наиболее жестоких драк. Почему дрались эти люди, мальчишки не понимали, да они и не задумывались над этим. Наблюдая за драками, Серёжка мечтал и сам научиться так драться. Особенно восторгался он умелыми действиями трёх братьев. Нет, они никогда не были зачинщиками потасовок, наоборот, всячески избегали их. Но если сила оказывалась единственным способом навести порядок, братья бились трезво и остервенело, не оставляя противникам никакой надежды.

Однажды братья задержались с закрытием своей лавки, а пьяная компания затребовала ещё выпивки и закуски. Только самые удачливые, и Серёжка в их числе, увидели эту молниеносную драку. Старший брат не стал спорить и объяснять. Он головой, как говорили мальчишки – «взял на кумпол» самого большого и буйного, два других брата с завидной скоростью расправились с оставшимися. Мальчишки даже испытали разочарование, пожалев, что всё закончилось так быстро и никто не оказал братьям достойного сопротивления. Лавка была закрыта, буянившие – валялись в грязи, а три брата быстро покидали базар. После этого случая они надолго стали героями для мальчишек.

Серёжка со своими друзьями стал буквально следовать за братьями по пятам, иногда ребяташки даже устраивали за ними тайное наблюдение. Часто братья возвращались домой не одни – с ними были женщины...

Окна одной из комнат, где проживали братья, выходили в сад главного двора. Прямо под окнами росли в ряд кусты сирени. Притаившись в этих кустах, мальчишки с замиранием сердца следили за происходящим в доме.

Серёжке особенно запомнилась рыжеволосая, полногрудая красавица, которую всё время прижимал к себе и долго целовал старший из братьев. Ещё не было электричества, поэтому часто ласки продолжались при тусклом свете керосиновых ламп. Мальчишки, боясь пошевелиться и пропустить какую-либо деталь, чуть дыша, жадно наблюдали, как уже подвыпившие братья и их подруги начинали раздеваться.

Серёжка следил только за рыжеволосой. При виде её груди и розового выпуклого зада мальчишка напрягался, и незнакомые чувства овладевали им. Он мечтал сам до неё дотронуться.

Девчонок во дворе было много, но из всех для себя он выбрал Светку Цветаеву, потому что любил бывать в их доме и потому что чем-то она напоминала ему недосыгаемую рыжеволосую соблазнительницу. Как-то он рассмешил и удивил Светкину мать, неожиданно поцеловав Светку прямо в губы у неё на глазах. «Где ты научился этому?» – сдерживая смех, спросила тётя Аня. «В кино видел», – буркнул смущённый Серёжка. Честно рассказать о своих похождениях тётю Ане он не решился.

Пройдёт время, но Серж нет-нет да и вспомнит кусты сирени и возбуждающие формы первой женщины, к которой он так хотел прикоснуться...

Серёжа пошёл в школу в сентябре 45-го. Мальчишки, с которыми он летом гонял в футбол, хвастались, что осенью пойдут учиться. Серёжка не хотел от них отставать и уговорил свою тётку записать его в школу. Тогда в первый класс в основном шли восьмилетки. Семилетний Серёжа был младше всех и ростом ниже, но его всё-таки взяли – к всеобщему удивлению, он умел читать, хотя никто его этому не учил.

Серёжин старший брат, сам ещё мальчишка, уже работал на военном заводе. Тогда все заводы были военными. С утра до ночи старший брат пропадал на работе, поэтому Серёжка был уверен, что и он должен быть в школе целый день. Утром он уходил учиться в первую смену, а в обед с мальчишкой со своего двора шёл во вторую. Так продолжалось недели две, пока в один прекрасный день после окончания первой смены к нему не подошёл директор школы:

– Мальчик, как тебя зовут?

– Серёжа.

– А как твоя фамилия?

– Аксаков.

– Так вот, Серёжа Аксаков, ты почему это целый день сидишь на уроках в школе? Тебе что, так нравится?

– Очень нравится.

– Это хорошо, но давай мы с тобой договоримся: ходи в школу только с утра, это значит в первую смену, а после уроков иди домой. А где твой папа?

– Воюет.

– А мама?

– Она кушать для нас добывает.

– А глаза у тебя откуда такие?

– Не знаю. Тётя Аня говорит – «от Бога»...

– А кто такая тётя Аня?

– Да это Светкина мать.

– А ты что, дружишь со Светой?

– Да, я её целовал.

– ... Что?..

Пройдёт много времени, Сергей окончит школу с золотой медалью, он подружится с директором школы, и они часто будут вспоминать этот диалог мальчишки военного поколения с человеком, прошедшим войну. Став совсем взрослым, Сергей признается директору, что когда-то был влюблён в его дочь Ларису, бывшую намного старше самого Сергея... Тогда мальчишки и девчонки учились отдельно.

– Вообще, ребёнком я был очень влюбчивым... – уже засыпая, рассказывал Серж своей новой подруге. – А в сорок шестом с фронта наконец вернулся отец...

1985

Сумеречным туманным утром Серж ехал на работу. Он любил приезжать в офис раньше всех, даже раньше своего секретаря. Из офиса он обычно уходил последним. Раннее утро и поздний вечер были единственным временем, когда Сержу удавалось побыть наедине с самим собой. В это время утром он спокойно готовился к предстоящему рабочему дню, а вечером подводил итоги, просматривал почту, детально продумывая резолюции для исполнителей. Он любил свою работу и часто думал о том, как это было бы страшно каждый день приходиться на службу и мучительно томиться, ожидая скорейшего завершения повседневной рутины...

Сегодня он был за рулём сам (водитель отпросился на три дня на похороны тётки). Расставшись с Аллой после короткого завтрака, они договорились, что созвонятся в течение дня насчёт следующей встречи.

Ранним утром автомобильных пробок, которые стали для Москвы обычным делом, практически не было, поэтому Серж быстро добрался до офиса. Его встречала охрана. Охранники любили и уважали его. В шутовском опросе, проведённом в канун нового 1985 года, на вопрос, что вы думаете о своём начальнике, они все серьёзно ответили: очень строг, даже суров, но всегда справедлив.

Оказавшись в своём кабинете, Серж поймал себя на том, что думает об Алле. Ещё полчаса он будет один, затем начнётся рабочая жизнь, без которой он не может представить себя... Так почему он так часто мысленно возвращается к этой женщине, о существовании которой ещё вчера он даже не подозревал?

Серж закрыл глаза. События двухлетней давности стали проплывать перед ним...

Вот он сидит в офисе. Идёт совет директоров. Звонок по его личному, мало кому известному телефону. Серж берёт трубку.

– Это Аксаков? – слышит он незнакомый голос.

– Да.

– Вам звонят из Первой Градской больницы. Ваша жена попала в автомобильную аварию. Просим вас срочно приехать.

Водитель летел, нарушая все правила. Авария была серьёзной. Малоопытный шофёр тяжёлого грузовика на большой скорости врезался почти в лоб автомобиля его жены. Галина умерла, не приходя в сознание. Это случилось два года назад...

...Для Сержа это была страшная потеря. Галина олицетворяла для него всё, о чём мог мечтать мужчина: преданная и любящая жена, нежная, заботливая мать их детей, верный и всегда понимающий друг. Даже короткая разлука с этой удивительной, потрясающей женщиной возбуждала в нём страстное желание как можно быстрее оказаться рядом, обнимать, целовать её, заполнять своей страстью, зажигая в ней пламя, в огне которого он готов был сам сгореть без остатка. И вдруг всего этого не стало... После трагической смерти брата в ранней юности и недавней смерти родителей это был очередной и самый страшный удар на его жизненном пути. Образовалась пустота, и Серж был уверен, что вряд ли найдётся женщина, которая сможет заполнить её. И если найти себе жену была всё-таки задача решаемая, то найти мать для своих детей... Это было то же самое, как представить себе, что в случае его смерти какой-то другой, чужой человек попытается бы стать отцом для его детей. Серж принадлежал к той категории мужчин, которые твёрдо уверены в том, что никто и никогда не сможет заменить родных по крови родителей. И не потому, что Серж не верил в существование добрых и сильных людей на белом свете. Просто дети в чужих руках представлялись ему аномальным явлением человеческой природы.

Однако вскоре Серж понял, что и жениться ему, если вдруг он решится на этот шаг, будет не так-то просто. Да, он был ещё молод, занимал высокое положение в обществе, и многие сво-

бодные (да и не свободные) женщины были бы не прочь связать с ним свою судьбу. Но почти все те, кого он знал, казались ему бесконечно далёкими от того идеала, который раньше составлял неотъемлемую часть его жизни. Он сомневался, что сможет воссоздать с какой-либо женщиной свою прежнюю «семейную крепость» – нельзя дважды войти в одну и ту же реку... А иметь что-то другое было для него уже недостаточным.

Галчонок, как Серж ласково называл свою жену, соединяла в себе так много необходимых Сержу качеств, что отсутствие даже одного из них в другой женщине превращало её просто в партнёра. Галина обладала удивительной способностью тонко чувствовать своего мужа и никогда не испытывать его терпения, и не потому, что не имела своего мнения или была во всём послушна супругу, совсем нет. Бог наделил её удивительным даром: она умела одним молчанием заставить Сергея почувствовать свою вину. Ночью, в постели, когда она прощала Сергею его вспыльчивый характер и даже часто винила себя в каких-то несправедливых поступках мужа, он осознавал, как страшно виноват перед этой женщиной, и его любовь к ней становилась ещё сильнее... Теперь рождённые ею дети остались единственным смыслом его жизни. Сергей жалел, что они остановились на четырёх детях. Он любил её беременной. Никогда не видел он женщину в положении более прекрасной, чем была она, его Галчонок...

Звонок от секретаря вырвал его из воспоминаний. На «вертушке» был его приятель из аппарата Совета Министров Андрей Заболотский.

– Привет, Серж. Как дела?

– Нормально. Хуже бы не было!

– Хуже может быть, если ты не перестанешь правду-матку кромсать.

– Это ты, наверное, относительно моего выступления на коллегии министерства?

– Конечно! Сам ведь понимаешь, что не вписываешься в поворот, а продолжаешь давить на газ...

– А ты что, хотел бы, чтобы я молчал, когда эти новые недоумки, заразившись перестройкой, хотят не перестраивать, а ломать? Ведь чтобы вновь строить, у них нет ни ума, ни яиц! Это во-первых. А во-вторых, ломая, они уничтожают всё и не понимают, что даже страшная соц-система выживала за счёт профессионально выстроенных структур во многих областях нашей жизни. Поэтому важно сохранить то хорошее и нужное, что есть, именно сохранить и приспособить к нуждам новой философии и политики. Это единственное, чего я хочу.

Заболотский ценил в Сергее опытного профессионала, часто приходил на коллегию. Сергей никогда не выступал на коллегии «для галочки». Все его выступления носили деловой и принципиальный характер. Он мог критически подойти к любому решению высоких инстанций, если был уверен, что это решение способно отрицательно сказаться на деятельности Министерства внешней торговли или его подразделений. Вот и вчера он резко выступил против попыток разрушить монополию внешней торговли. По его твёрдому убеждению, государство, которое серьёзно намерено перестроить свою систему после эпохи тоталитаризма, ещё долго будет нуждаться в сохранении монополии во многих стратегических отраслях, для того чтобы располагать финансовыми средствами, необходимыми для осуществления своих реформ. Но все возражения Сергея и его единомышленников вызвали только озлобление у «новаторов» перестройки, убеждённых в том, что действия внешнеторговцев объясняются простым желанием удержать свои позиции и по-прежнему «грести под себя».

Заболотский сообщил Сергею, что первый заместитель премьера хочет вызвать его к себе для объяснений.

– Я могу объяснить ему в сотый раз, я писал ему об этом уже трижды. Ответа никакого нет. Пошли они!.. Если так будет продолжаться, я подам в отставку.

– Что ты горячишься? Они ведь, как и твой министр с его новыми заместителями, только и ждут этого. Старик, давай встретимся и поговорим. Я могу пока отодвинуть твой вызов в Кремль.

Сергей согласился. Андрей был старше его и имел много друзей в ЦК партии и КГБ, которые поддерживали точку зрения Сергея, будучи хорошо знакомы с его записками советскому руководству. «Вот так каждый день, – думал Сергей, – начинается с заводки, как будто кто-то специально воздействует на нервную систему, проверяет её на прочность. Если не можешь себя контролировать – весь день испорчен».

Время на работе летело быстро. Рабочий день давно уже закончился. Наконец, просмотрев все входящие и исходящие документы, Серж позвонил Алле.

– Салют, это я...

– Я уже давно жду твоего звонка. Я знаю, ты раньше не мог. Хотела позвонить сама, но решила, что это будет глупо – не хочу с тобой говорить просто ни о чём.

– Всё правильно. Мы можем поужинать вместе. Я знаю неплохой французский ресторан.

– У меня есть сюрприз. Я сама приготовила ужин. Если не боишься, угощу. Приезжай ко мне. Посмотришь, как живёт самостоятельная советская женщина эпохи перестройки.

– Еду, дай мне точный адрес.

Через полчаса Серж поднялся на пятый этаж сталинского дома на Кутузовском проспекте. Дверь ему открыла незнакомая женщина... Новый, огненно-рыжий цвет волос Аллы изменил её лицо почти до неузнаваемости. И только прежнее лукавое выражение голубых глаз не оставляло сомнений, что перед ним стоит его вчерашняя знакомая, женщина, которая так стремительно ворвалась в его жизнь.

Менее десяти секунд хватило на то, чтобы Алла убедилась: вчерашний рассказ Сергея о рыжеволосой женщине из детства не был придуманным эпизодом. Сергей чуть не на пороге сжал её в объятиях, и вчерашний вечер повторился почти во всех деталях.

Её новый цвет волос наполнял его запахами детства. Целуя её и прижимаясь к её обнажённому телу, он чувствовал, что вдыхает аромат сирени, и какая-то неземная страсть уносила его далеко от земли. Алла не помнила себя такой возбуждённой и поглощённой страстью. Ей казалось, что так отдаваться, как сейчас отдаётся Сергею, она не сможет больше никогда.

Она всё ещё лежала на нём, а он перебирал её красные волосы...

– Почему ты перекрасилась?

– Разве это надо объяснять?

Она даже не успела договорить фразу – её губы снова оказались в плену его поцелуев, а она – во власти несбыточных желаний его детства...

Ужинали они в халатах при свечах. Алла продумала всё до мелочей: целый день сегодня она потратила на себя и подготовку этого ужина. Успела даже купить Сержу в чековой «Берёзке» шёлковый халат и модные тапочки-туфли. Серж заметил её старания. Ему стало приятно, что Алла искренне пытается окружить его вниманием и заботой, это лишнее свидетельствовало о том, что она действительно увлечена им.

– Ты, оказывается, и повариха неплохая.

– А что ещё я делаю хорошо?

– Мне нравится, что ты обо всём позаботилась. А это значит... – Серж остановился, подбирая слова.

Алла закончила за него:

– Это значит, что я влюбилась, как девчонка.

И она заплакала. От злости на себя и отчаяния.

Для неё такое признание было равносильно приговору: ну нельзя, нельзя мужчине первой признаваться в любви! Этим ты обрекаешь себя на добровольное рабство, признаёшь свою зависимость от партнёра. В отношениях всегда должна сохраняться интрига, особенно на ранней стадии, в противном случае мужчина быстро утратит к тебе интерес: к чему лишние телодвижения, если объект ухаживания сам сдаётся без боя? Всё это Алла прекрасно знала, но с Сержем она не могла играть и лукавить.

Серж подсел к ней, обнял и прижал к себе.

– Я где-то читал, – начал Серж, – что если женщина не плачет, то она не любит. Я только хочу, чтобы мы не торопились. Ты видишь, что я хоть и не плачу сам, но твоим слезам радуюсь, потому что твои чувства мне дороги. Давай выпьем за нашу встречу!

Алла успокоилась и серьезно сказала:

– Извини, получилось глупо. Я не должна давать волю своим чувствам. Мы ведь видимся только второй раз. Прости, пожалуйста.

– Ты не должна чувствовать себя виноватой. Я вижу твою искренность, и она меня обезоруживает. Я просто не хочу торопить нас. Ты так мало знаешь обо мне.

– Да, я очень хочу как можно больше узнать о тебе. Вчера ты рассказывал так увлекательно, что сегодня я по собственной воле превратилась в красноволосую ирландку. А что было дальше?

1948

На юге России редко выдавались суровые зимы, но эта зима была просто лютой. Холодное и голодное время. Тёплая печь в доме была большой радостью, но и это случалось редко. Ещё реже в доме пахло горячей пищей. И всё-таки в тепле голод переносился легче. Топили только дровами, которые заготавливали, вырубая местный лес на берегу горной речки, несмотря на все запреты и страх быть пойманным суровым лесником. Мальчишки превратились в воришек-лесорубов. Бывало, они попадали в облаву, и лесник для острастки палил в воздух из дробовика. Тогда ребятня или бросала свои нелёгкие «дрючки» и бежала прочь, или уговаривала неожиданно появившегося лесничего разрешить им унести с собой срубленную добычу. Чаще всего, если дети были без взрослых, лесники просто не обращали на них внимания. Этим, конечно, пользовались, и потому мальчишки промышляли одни, привыкнув к благополучному исходу. Но в тот день события развернулись иначе.

В воскресный день Серый (как Серёжку звали мальчишки) уговорил своих дворовых друзей отправиться в лес за дровами. Топор был один на всех. Компания из пяти человек забралась глубоко в лес, подальше, как им казалось, от дома лесника, чтобы тот не смог услышать стук топора.

Первым начал рубить Серёжка. Ему приглянулся молодой плотный дубок: он знал, что дубовые поленья хорошо и долго держат жар.

Он уже повалил дерево, когда, откуда ни возьмись, перед мальчишками появился лесник с дробовиком. Все бросились бежать, Серёжка – тоже, держа в руках топор. Прогремел выстрел.

Ребята слышали эти выстрелы и раньше – лесники частенько палили в воздух «для острастки», но сейчас до удирающих без оглядки пацанов донёсся испуганный крик Серого и громкий мат лесничего:

– ... твою мать, что же я наделал!..

Ребятишки припустили во все лопатки в лесную чащу, не разбирая дороги, подальше от «места преступления». Вдруг старший из мальчиков, двенадцатилетний Витька Крюков, остановился:

– Так это что же, пацаны? Неужели этот гад подстрелил Серого? Ведь Серый заорал как резаный... Что делать будем?

Все молчали. Прислушались – кругом было тихо.

– Серого надо спасать. Без него возвращаться домой нельзя. Пошли обратно, – за всех решил Витька.

Только Харин по кличке Крыса пытался отговаривать, но, получив увесистый пинок под зад от Витьки Крюка, присоединился ко всем остальным.

А случилось вот что: Серёжка бросился бежать последним, и когда он оглянулся посмотреть, не преследует ли их лесник, грохнул выстрел.

Лесник выстрелил, чтоб поугагать ребятишек, но он стрелял с бедра, поэтому крик убегающего мальчишки напугал его до смерти – леснику показалось, что он попал мальчонке прямо в лицо.

Серёжка мигом повалился в сугроб. Семён, так звали лесника, мгновение стоял в оцепенении. И только некоторое время спустя до него дошло, что в патронах-то ни дробин, ни соли не было – потому ничего страшного с мальчишкой не должно было случиться. Семён подбежал к мальчику, который всё ещё неподвижно лежал в сугробе лицом вниз. Сомнения овладели лесником: неужели он по ошибке зарядил свою двустволку настоящими охотничьими патронами? Не мешкая, Семён перевернул мальчика на спину. Слава Богу, с лицом всё было в порядке:

– Ну, что, пацан, испугался? Давай, вставай. Меня-то ты до смерти перепугал!
Серёжа всё ещё крепко держал в руках топор.

– Топором-то не ушибся? Вставай, я посмотрю на тебя.

Серёже было страшно – все мальчишки убежали, а он тут один на один с лесником, чужим человеком – поди знай, что может случиться. Мальчишка даже не догадывался, что лесник сам готов был расцеловать его за то, что всё закончилось благополучно. Уже через полчаса они были в тёплой избе лесника.

Витька шёл быстро, почти бежал. Одна мысль, что они вернуться домой без Серого, наводила на него ужас. Хотя Витька и был старше, мальчишки считали Серёгу своим лидером. В нём удивительным образом сочетались, казалось бы, совершенно несовместимые качества: Серёжка был круглым отличником в школе и лучшим драчуном на улице. Даже пацаны постарше боялись затевать с ним драку. Причём сам он никогда драк не провоцировал, но если кто трогал его, то шиши пропало: дрался он как неистовый. Мальчишки уважали его, взрослые – любили. Варё даже завидовали: что у тебя за парень! Золото! И в школе первый, и на улице себя в обиду не даст... И только Варя знала, во что ей обходится это золото. Характер у Серёжки был не из простых, обиды он не терпел даже от матери.

Ребята без труда нашли место вырубki, но там уже никого не было. На свежем нетронутым снегу ясно отпечатались уходящие в глубь леса следы лесника и их товарища. Не раздумывая, Витька повёл своих друзей по следу. Они вышли к просеке, протянувшейся через весь лес до самой речки. Там на поляне стоял небольшой дом, обнесённый забором. Это мог быть только дом лесника. Оставив мальчишек на опушке леса, Витька подкрался к окну.

Каково же было его удивление, когда он увидел, что Серый и лесник спокойно сидят за столом и пьют чай. В первое мгновение Витьке стало так обидно, что он чуть не заплакал: они с ребятами с ума сходят, крадутся, как партизаны в тыл врага, чтобы спасти товарища, а он тут в тепле чай распивает... Он даже не услышал, как в доме отворилась дверь. Перед ним вдруг возник приметивший его за окном опытный лесник.

– А где остальные пацаны? – спокойно и даже ласково спросил Семён.

– Да вон там, в лесу...

– Так зови их, пойдём чай пить.

Лесник Семён, дядя Семён, оказался добрым и очень душевным человеком. Мальчишки первый раз в жизни пили чай с мёдом – у лесника была небольшая пасека неподалёку. Семён, спокойный, рассудительный по природе человек, быстро расположил к себе ребятшек. Серёжка вёл себя на правах первого друга лесника, чем вызывал раздражение у Витьки, считавшего себя героем, вернувшимся на выручку товарищу.

Возбуждённые приключением мальчишки возвращались домой довольными. Лесник проводил их до самой речки и дал им по сухому бревну из своих запасов.

– В следующий раз, когда пойдёте в лес за дровами, приходите ко мне, я подберу вам что-нибудь подходящее, – наказал он на прощание.

По дороге домой Серёжка рассказал ребятам, как всё произошло, и какое могло бы случиться несчастье, будь ружьё лесника заряжено настоящими патронами. Все дружно решили помалкивать о лесном происшествии.

Дома никто не удивился, что Серёжа пришёл поздно. В десять лет он уже был самостоятельным мальчишкой, правда, ему всё-таки доставалось от матери, когда его самостоятельность перехлестывала границы дозволенного. Так случилось прошлым летом, когда он засветло ушёл на рыбалку с мальчишками из своего двора и решил остаться на ночь в расчёте на «особый» клёв на утренней зорьке. Улов и вправду оказался богатый: усачи из горной речки считались большим лакомством. Но от матери он получил хорошего ремня – за своеволие.

Сегодня же, с точки зрения времени, всё было в порядке.

Серёжина семья занимала две большие комнаты на первом этаже старого купеческого дома. В первой комнате стояла печка, которая служила и для обогрева всего помещения, и для приготовления пищи. Войдя в комнату, Серёжка полной грудью вдохнул домашнее тепло и как будто наполнился запахом кукурузной похлёбки. Зимой это была обычная тёплая пища – всё вместе: и хлеб, и каша, и суп. И так изо дня в день. Иногда Серёжа чувствовал, что не в силах более переносить эту еду, и пытался разнообразить вкус в тарелке, добавляя больше соли, но результат оставался неутешительным. Ничего другого не было. От своего отца мальчик слышал, что многие люди не имеют и этого.

Зимой вообще с питанием приходилось туго. Летом можно было заработать денег на базаре или ещё где-нибудь, наконец, украсть с огорода. А вот зимой – нет.

Но дети всегда остаются детьми. Скучное питание никак не сказывалось на богатой детской фантазии, когда речь заходила о развлечениях. Всё свободное время ребятня гоняла на коньках. В основном это были «снегурочки» – привязные коньки с деревянным основанием и стальным лезвием. Умельцы изготавливали и самодельные коньки, когда вместо стальных лезвий в ход шла толстая проволока. Зимой снег с дорог не убирали, и грузовики укатывали шоссе до такого состояния, что оно превращалось в идеальное место для катка. Особым шиком считалось прицепиться за борт полуторки багром с металлическим крюком и с ветерком промчаться за грузовиком. Правда, увлечение было опасным: разъярённый шофёр мог остановить машину и погнаться за «конькобежцем». Если смельчака ловили, то отбирали коньки и крепко давали по шее. Кроме того, кататься в чужом районе было небезопасно: местные хулиганы тоже с удовольствием отнимали коньки у ребят послабее. А без коньков оставалось только учиться.

Учился Серёжка как-то странно. Мать никогда не видела, чтобы он делал уроки, но каждый год он получал похвальные грамоты. Учительница начальной школы, правда, постоянно твердила, что поведение у мальчика на двойку, из-за чего мать частенько вызывали в школу. Подобные визиты матери заканчивались для Серого печально – в очередной раз он был бит.

При свете керосиновой лампы Серёжа мучился с кукурузной похлёбкой и размышлял о леснике: «А что он, интересно, ест?» Мёд Серёжке очень понравился. Понравился ему и сам дядя Семён. Он напомнил мальчику старшего брата из тех троих партизан, что жили у них во дворе сразу после войны. С братьев он переключился было на воспоминания о рыжей, но тут вмешалась мать:

- А бревно-то ты сухое принёс! Значит, не рубил? Где же ты взял его?
- Да украл из запасов лесника, – соврал Сергей.
- Ты что, дурак?! Хочешь, чтобы тебе в задницу лесник дробил или соли засадил?
- Да он стреляет холостыми патронами, для испуга, – уверенно заявил Серёжка.
- Ох, смотри, так до беды недалеко! А что, другие пацаны тоже у лесника воровали?
- Да мы все вместе...

Серёжка, не успев закончить фразу, получил звонкую оплеуху:

- Смотри мне! У лесника больше не воруй! Узнаю, что ослушался, сама убью!

Сергею стало обидно: сегодня выдался такой трудный день, он голоден, а тут опять получил в ухо ни за что, ни про что. Засыпал он с тяжёлой душой, свернувшись калачиком под стёганым одеялом, чтобы было теплее.

Зима отступила быстро. Уже в марте мальчишки зачастили в лес за подснежниками. Серёжка любил весенний лес. Он всегда уговаривал ребят побродить по лесу подольше и, бывало, заводил их в такую глубь, что они потом выбирались только наугад.

В конце апреля, когда солнце уже припекало вовсю и снег оставался только в балках, Серёжка как-то вывел ребят прямо к дому лесника. Дорогу он помнил хорошо. Каково же было его удивление, когда во дворе лесника он увидел своего отца. Первым порывом Сергея было бежать прочь, но отец уже заметил его:

– Эй, Серёга! Что, за дровами пришли? Ну, давайте, ребята, заходите сюда. Дядя Семён стрелять не будет.

Ребята медленно направились к дому. Подойдя к калитке, они заметили, как из небольшого сарая вышел и сам лесник. В руках он держал бутылку с жидкостью, хорошо известной мальчишкам. Это был самогон. Серёжа первым поздоровался с лесником, произнеся «дядя Семён» как-то виновато и тихо.

– Так вы, оказывается, уже знакомы, – иронически пропел отец Сергея.

– Знакомы, да ещё как! Вот только что-то забыли они дорогу ко мне, – вставил лесник.

– Да кто же пойдёт к тебе, если ты всякий раз встречаешь солью или дробью! – продолжал в шутовском тоне Серёжин отец.

Мальчишки поняли, что их история хорошо известна дяде Артёму, отцу Серёжи.

Лесник пригласил всех в дом, где вкусно пахло варёной картошкой. Красивая женщина хлопотала у стола. Видно, сегодня был день неожиданностей. Что-то в женщине, накрывавшей на стол, показалось мальчику до боли знакомым. Её красивые голубые глаза мельком встретились с глазами Сергея, но не глаза, а пышные красные волосы напомнили ему о кустах сирени и тех ночах, когда он с мальчишками тайком наблюдал за этой полногрудой и круглозадой женщиной. Серёжке стало не по себе. Жена лесника заметила его оторопельный взгляд, но приняла это за обычное мальчишеское смущение и, ничего не подозревая, обратилась к отцу:

– Артём, а глаза у твоего мальчишки похлеще твоих будут! Ох, берегись девчат, не отобьёшься!

– Так ты, наверное, первая и попалась на крючок, – в шутку заметил лесник.

Откуда им было знать, что эта рыжеволосая женщина уже давно заняла особое место в воображении мальчишки.

Жену лесника звали Ларисой. Серёжке она положила, как ему показалось, самую крупную картошку и дала больше, чем другим мальчишкам, подсолнечного масла. Пища была объедением. Все ели молча, говорили только лесник и отец Сергея. Они предложили выпить Ларисе, но та отказалась.

– Стесняется тебя, Артём, – пошутил лесник.

– Да мы и сами с тобой такие «питаки», что в другой компании было бы неудобно, – заметил Артём.

И вправду, Серёжка впервые за столом видел своего отца открыто выпивающим. Дома этого никогда не бывало. Тут, словно читая мысли, Семён заметил, что даже война не приучила ни его, ни Артёма к этой заразе – водке. А если и случалось выпить, то, как любил приговаривать дядя Семён, «не водки ради, а здоровья для».

Домой мальчишки шли вместе с Артёмом. Каждый нёс по хорошо просушенному бревну.

Лес дышал весной, первые весенние птицы старались перепеть друг друга, и жизнь казалась такой прекрасной. Серёжка радовался, что его отец дружит с лесником и теперь ему не надо больше носить в себе тяжкий груз секрета зимнего происшествия. Но больше всего мальчишеский ум занимала загадка появления тёти Ларисы в доме лесника. Серёжка твёрдо решил про себя, что дома, с отцом наедине, он непременно выпросит поподробнее о леснике и его жене. Но и другим мальчишкам было невтерпёж. Они отныне прониклись глубоким уважением к дяде Семёну, ведь с кем попало Серёжин отец дружбу не водил, в городе считали за честь называться его друзьями. Потому мальчишек так и распирало любопытство: откуда дядя Артём и лесник знают друг друга?

Не выдержал Самвел Арушанян, армянский мальчишка, которого друзья звали Аруш. Он вообще прославился во дворе тем, что измучил всех взрослых постоянными и неожиданными вопросами. Чаще всего Аруш слышал в ответ ставшее для него ненавистным «подрастёшь – узнаешь», но он всё равно не унывал.

Вот и сейчас он явно опередил события:

– Дядя Артём, а почему лесник называл вас «брат Артём»? Он взаправду ваш брат?

Мальчишки с нетерпением ожидали ответа на этот вопрос. А Серёжка даже обрадовался, что не придётся ждать возвращения домой.

Присев на пенёк на поляне и дав возможность ребятам отдохнуть от тяжёлой ноши, Артём поведал о своей дружбе с лесником Семёном. Знали они друг друга ещё до войны. Артём заведовал песчаным карьером, который находился неподалёку от города, а Семён работал на карьере бухгалтером. Так сложилось, что и воевали они вместе, и обоим им повезло – вернулись с фронта живыми и почти невредимыми.

Первая жена Семёна, не дождавшись мужа, оформила с ним развод, вышла замуж за какого-то механика и уехала вместе с ним на Урал. Год назад Семён женился на Ларисе, овдовевшей после убийства её мужа-партизана членами банды «Чёрная кошка». Два младших брата её мужа рассчитались с бандитами – главного они повесили на белолыстке на берегу речки – и исчезли из города. А Лариса осталась одна. Семён познакомился с ней, когда продавал мёд на базаре. С тех пор они живут вместе.

Мальчишки с любопытством слушали эту историю, но только Серёжка знал, кто были эти братья-партизаны... И даже отцу он никогда не осмелится рассказать, какой он видел Ларису...

...Наступило долгожданное лето. Летом вообще жизнь была веселее: рыбалка, набеги на сады и огороды, купание в речке, частые посещения кино, вечерние игры с девочками и мальчишками в казаки-разбойники, в ручеёк, в «чью душу желаете»... Все ждали лета.

Лето 1948 года Серёжа запомнил на всю жизнь. Он впервые влюбился. Влюбился в совершенно незнакомую девочку...

После войны по южным городам России в летнее время разъезжало великое множество разных трупп циркачей, артистов, фокусников, на представления которых с удовольствием ходили местные жители, не избалованные театральной жизнью и другими культурными развлечениями. Вот и этим летом на площади появилось довольно большое сооружение из брезента. Внутри стояли деревянные скамейки – мест было человек на пятьдесят. Над входом висел щит с надписью «Цирк».

Труппа давала до десяти представлений в день. Серёжка бывал в этом цирке каждый день по нескольку раз: все деньги от продажи холодной воды, морса и папирос, которые он зарабатывал на базаре, Серёга тратил на цирк, мороженое и «Наполеон», его любимый торт.

В цирк Серёжку тянуло одно тщательно скрываемое ото всех обстоятельство: под музыкальное сопровождение пластинки на патефоне на небольшом коврике там выступала акробатка-гимнастка, девочка его возраста. Ведущий программы – шустрый мужчина, похожий на Чарли Чаплина, – объявлял с восторгом: «А сейчас выступает наша звёздочка Людмила Огаркова!» И на коврик, делая нехитрое сальто, выпрыгивала большеглазая худая девочка в зелёном трико. Когда она делала мостик, а затем просовывала голову между ног, Серёжка был уверен, что в этот момент она смотрит на него. Её голубые глаза казались огромными и бездонными. И так повторялось каждый день. Серёжка всегда старался пройти в брезентовый зал первым, чтобы занять место в первом ряду. «Чарли Чаплин» уже смотрел на него как на своего старого знакомого и обязательно улыбался Серёже, объявляя номер полюбившейся мальчику Людки. Однажды он даже подмигнул Сергею.

Девочка-циркачка, конечно, давно обратила внимание на красивого голубоглазого мальчика в первом ряду. Ей была приятна эта преданность неожиданного поклонника. В перерывах, когда артисты отдыхали на свежем воздухе, устроившись на скамейках за цирком, Серёжка обычно стоял поодаль, не решаясь подойти ближе. Иногда он доставал из кармана своих хлопчатобумажных клёшей пачку папирос и демонстративно закуривал, показывая, что он совсем не мальчишка, а взрослый парень. Однажды к нему подошёл «Чарли Чаплин» и попросил закурить. Серёжка гордо достал пачку.

– О, да ты куришь недешёвые папиросы! «Беломорканал»!

- А у меня и получше есть – «Казбек»!
- Где же ты деньги берёшь?
- Сам зарабатываю.
- Ты что, не учишься?
- Нет, учусь. А летом зарабатываю.
- И как ты в школе учишься?
- Я отличник!
- Да что ты, неужели правда?
- Правда.
- А у тебя есть родители?
- Конечно.
- И отец, и мать?
- И отец, и мать.
- А они знают, что ты куришь?
- Да что вы! Конечно, нет.
- А знаешь, ведь курить нехорошо.
- А вы вот курите!
- Но ведь я взрослый. Люда – моя дочь. Тебе нравится её номер?
- Да, очень.
- Если не будешь курить, то приходи к нам в гости, я познакомлю тебя с ней.

Серёжка молчал, он не знал, что ответить. «Чарли Чаплин» потрепал его по голове и пошёл к цирку. Серёже почему-то расхотелось идти на представление. Что-то непонятное мучило его. Дома он спрятался в сарае и зарыдал. На следующий день Сергей снова сидел в первом ряду, а Людка всё время смотрела в его сторону. Мальчику казалось, что сердце вот-вот вырвется у него из груди, он чувствовал, как холодеют его пальцы. Такого с ним никогда не было. Когда закончилось представление, Серёжка хлопал до боли в ладонях. Неожиданно на помост вышел «Чарли Чаплин» с большой красивой книжкой в руках. Жестом он попросил публику успокоиться и, когда наступила тишина, сказал:

– Наша группа хочет преподнести подарок нашему самому преданному зрителю, который регулярно посещает наши представления. У меня в руках сборник русских сказок с цветными иллюстрациями, эту книгу мы хотим вручить мальчику в первом ряду, которого зовут Серёжа. Подарок вручит наша звезда Людмила Огаркова.

Серёжка не успел очнуться, как, выскочив из-за занавеса и спрыгнув со сцены, рядом с ним оказалась Людка. Она как-то резко сунула книгу Серёже и собралась убежать, когда он неожиданно для всех поймал её и чмокнул в лицо. Публика завизжала и затопала, а Людка, оттолкнув мальчика, исчезла.

Сергей стоял с книгой в руках, и ему казалось, что сейчас он провалится сквозь землю. Слова «Чарли Чаплина» прозвучали для него спасением:

– Серёжа, иди ко мне!

И они оба скрылись за занавесом. Серёжа неожиданно для себя оказался в кругу цирковых артистов. Все они смотрели на него, а женщина – ассистентка фокусника – подошла к Серёжке и, улыбаясь, сказала:

– Так вот какой он, наш поклонник. Оказывается, ты смелый мальчик! Давай знакомиться. Я Людина мама, зовут меня Надежда Павловна. Люда, не будь дикаркой, иди и познакомься с мальчиком!

– Папа сказал, что я только вручу ему книгу, а он целоваться лезет!

Серёжка покраснел, во рту у него пересохло. Он опустил голову и вдруг почувствовал прикосновение тёплых рук. Мальчик поднял глаза и увидел неожиданно близко лицо Люды,

она приветливо улыбалась, совсем как взрослая. Серёжа понял, что девочка на него не обижается.

– Я тебя не поцеловал, ведь целуются в губы, – обескуражил он всех.

Общий смех окончательно разрядил ситуацию. В перерывах между представлениями Серёжку угощали чаем с печеньем. Сергей помнил наставление отца: никогда не набрасывайся на еду в гостях, даже если ты очень голоден. Но запах печенья с чаем был таким соблазнительным, что сдержаться было просто невозможно, и он, не дожидаясь второго приглашения, за секунду проглотил одно печенье, даже не запив его чаем. Это не ускользнуло от глаз Людкиной матери. Она предложила Серёжке ещё печенья, но на этот раз мальчик стоял насмерть:

– Нет, спасибо, я больше не хочу. Вообще я люблю чай с мёдом.

– Вот как? – удивилась Надежда Павловна. – А откуда у вас мёд? Что, у вас есть пасека?

– Да нет, пасеки нет, но мой папа дружит с лесником, у которого мы часто бываем. И вот он, дядя Семён, нас угощает своим мёдом.

Серёжка сказал это с гордостью, и ему ужасно захотелось пообещать принести им мёда, но он сдержался, сам не понимая как.

С раннего детства Серёжка знал, что всё хорошее быстро кончается. Вот, например, ждёшь-ждёшь лета, кажется, оно никогда не наступит. Наконец оно всё-таки приходит, но не успеешь оглянуться, как пора в школу.

Цирк пробыл в городе больше месяца. Мальчик привык ко всем в труппе и уже без билета проходил на представления. Артисты тоже полюбили его. Однажды он до слёз поразил Людкину мать, когда принёс им к чаю поллитровую банку мёда.

Для этого Серёжка самостоятельно, без разрешения родителей, отправился к леснику и объяснил, что очень хочет угостить Людку мёдом, которого она никогда не пробовала. Жена лесника Лариса, слушая рассказ мальчика про цирк, улыбалась и подмигивала мужу: мол, влюбился пацан. Правда, она была несколько озадачена, когда Серёжка заявил, что Людка похожа на неё и что волосы у неё тоже красные.

– А твой отец знает про твои похождения? – спросил дядя Семён.

– Да, он знает, что я часто бываю в цирке. Людкина мать говорит, что я очень хорошо пою и меня можно выпускать на сцену, – гордо заключил мальчик.

– Всё ясно, – засмеялась Лариса, – мёд надо давать, дядя Семён...

...Серёжка стоял напротив Людкиной матери и плакал. Надежда Павловна сказала ему, что через два дня цирк уезжает в другой город. Людки рядом не было – она выступала со своим номером... Появился «Чарли Чаплин» и, увидев слёзы на Серёжиных щеках, всё понял. Желая приободрить мальчика, Людкин отец обнял его за плечи и нарочито весёлым голосом сказал:

– А хочешь, мы заберём тебя с собой?

Серёжка оживился.

– Не говори глупостей, – непривычно строго прервала его Людкина мать, – ты разве не видишь, в каком состоянии мальчик!

«Чарли Чаплин» понял свою ошибку и успокаивающе добавил:

– Да мы на следующий год опять будем у вас, вот увидишь...

Мысль уехать вместе с цирком засела в голове у Сергея так глубоко, что он уже не слышал последних слов Людкиного отца... Он мчался домой, чтобы попросить родителей отпустить его...

Разговор с отцом он запомнил на всю жизнь. Хорошо, что дома оказался отец, мать бы его обязательно отлупила да ещё побежала бы в цирк пристыдить дурных артистов...

Через два дня Серёжка пришёл провожать цирк. Две полторки стояли на площади. На одну уже было погружено всё цирковое имущество, на другую усаживались артисты со своими вещами. Родители Людки поцеловали Серёжку. Людка по-взрослому протянула ему руку. Две машины вздрогнули и загудели почти одновременно. Людкина машина поехала второй.

Серёжка впился глазами в её лицо... Он не выдержал и заплакал... Полуторка удалялась, а вместе с ней и его первая любовь... У неё были красные волосы...

1985

Дни летели, как отрывные листки календаря. Несмотря на большую занятость на работе, Серж продолжал часто встречаться с Аллой. Иногда он и сам не понимал, почему так подробно и с таким удовольствием он рассказывает о себе человеку, которого, в сущности, мало знает. Алла стала первой женщиной Сержа, с которой он сблизился после смерти жены. Видимо, возвращаясь в воспоминаниях в детство и юность, Серж пытался как-то переосмыслить своё прошлое, найти в нём стимул и силы для нового продолжения жизни. Алла оказалась великолепной слушательницей и не торопилась с расспросами о настоящем, хотя (и он это прекрасно понимал) ей хотелось бы знать, на что она может рассчитывать, связывая с ним свою судьбу.

– Ты даже не представляешь, как мне приятно путешествовать во времени вместе с тобой, – повторяла Алла. – Я понимаю, как глубоко в нас сидят чувства, испытанные в детстве, и как они нам дороги. Ведь именно благодаря им, человек становится тем, кто он есть сейчас. Без этой связи с прошлым нельзя по-настоящему почувствовать человека, даже если ты его любишь. Потому мне так важно знать, откуда ты пришёл и каким ты был раньше. Кроме того, мне очень дорога эта ниточка доверия, которая возникла между нами. Так что не торопись. Я хочу шаг за шагом пройти с тобой через все твои воспоминания – тогда мне кажется, что твоя жизнь становится и моей. Закрывая глаза, я словно вижу перед собой того голубоглазого мальчишку в широких брюках с папиросой в зубах и ощущаю то же, что чувствовал он. Это странно и удивительно – видеть мир глазами подростка военного поколения...

Серж осознал, что сам нуждается теперь в таком слушателе, как Алла. Он пытался переосмыслить эти бурлящие новые времена, анализируя события давно минувших дней, сопоставляя моральные ценности, привитые ему в детстве, и принципы, выработанные в юности, с собою нынешним. А может, это просто попытка уйти от действительности? Ведь не всё развивается так, как ему хотелось бы, как он раньше представлял себе, мечтая об изменениях в стране...

Размышляя, Сергей пришёл к выводу: нет, он не пытается спрятаться от реальности происходящего. Он и сам – часть этой реальности. Вот только не всё ему нравится в себе, а стало быть, и в том, что делается вокруг него.

Сергей часто рассуждал на тему новых веяний в обществе. Алла всегда поддерживала его. Они мыслили как бы в одной плоскости, хотя знакомы были недавно. Алла сама себя не узнавала. Куда подевалась её критичность, язвительность... Рядом с Сержем ей хотелось быть просто женщиной, слушать его, соглашаться с ним, жить его интересами. Алла открыто признавалась, что её это пугает.

– Понимаешь, – делилась она, – такая «влюблённость с первого взгляда» скорее удел мужчин, нежели женщин. Нам обычно требуется больше времени, но почему же с тобой у меня произошло всё наоборот?!

После смерти Галины прошло два года. К слову «люблю» Серж всегда относился осторожно, а в эти два года – особенно. Серж чувствовал и понимал, что сейчас он с Аллой вовсе не потому, что она понравилась ему в постели... Находясь с ней, он снова увидел смысл своей жизни не только в детях и работе... Эта женщина помогла ему обрести себя, восстановить, казалось бы, насовсем утраченное будущее, в котором есть место для любви к женщине...

Серж не решался признаться в этом самому себе. Он уже почти свыкся с мыслью о том, что новая женщина никогда не войдёт в его судьбу на правах жены. Любовь к Галине, которую он почти боготворил, оставалась для него состоянием, повторить которое он никогда не сможет. Теперь он понял: дело совсем не в повторении – этого и не нужно делать, – надо просто продолжать жить.

Сначала такое продолжение казалось ему предательством по отношению к Галине, ко всему, что она дала ему. И как он может объяснить всё это Алле? Да и нужно ли это объяснять?

Про себя Серж решил, что рано или поздно он должен будет сам поднять эту тему. Сегодня же они собирались отметить месяц со дня их первой встречи. Оба согласились, что самым подходящим местом для этого будет клуб, где состоялось их знакомство. Серж заказал место в ресторане заранее. Бармен не скрывал радости при виде любимого денежного клиента.

Ужинали при свечах. Небольшой оркестр негромко играл американскую музыку пятидесятых-шестидесятых годов, которую поколение Сержа с такой жадностью ловило по «Голосу Америки», а иногда и слушало записи на виниловых пластинках, чудом оказавшихся в Союзе. Когда принесли кофе, Серж достал из кармана пиджака небольшую коробочку.

– У нас сегодня своего рода юбилей – всё-таки мы уже месяц знаем друг друга. Ты как-то говорила, что явственно видишь мальчишку из моих рассказов: с голубыми глазами, в широких брюках, с папиросой, нелепо зажатой во рту. Так вот – это тебе подарок от него.

Алла открыла коробочку: она не могла оторвать глаз от кольца и серёжек с нежно-розовым японским жемчугом. Жемчужины были как живые – казалось, их только что достали из ракушек.

– Спасибо, – тихо сказала Алла. – Честно говоря, я не ожидала.

Она смутилась и замолчала. Серж внимательно смотрел на неё, пытаясь угадать, о чём она думает. Её последующие слова не оставили сомнений, что она правильно поняла подарок Сержа:

– Ты, значит, ухаживаешь за мной серьёзно?

– Серьёзнее и быть не может, – улыбнулся Серж.

От этих слов Алла разволновалась. Чтобы скрыть своё волнение от Сержа, она сняла со стула сумочку – вроде бы ей срочно потребовалось убрать туда дорогой сердцу подарок, но невпопад подкатившие слёзы выдали её. Она была растрогана. Серж поднялся и поцеловал её рыжую макушку.

– Я верю тебе, – негромко произнёс он.

Для неё это прозвучало как «я люблю тебя».

На выходе из ресторана Серж столкнулся со своим другом из Совмина Андреем Заболотским.

– Привет, старик! Вот как мы готовимся к совещанию в Кремле! Ты, конечно, не забыл, что оно перенесено на день позже? Это и хорошо – нам надо встретиться поговорить. Твоё письмо понравилось самому главному.

Серж представил Андрея Алле:

– Познакомься, Алла, это мой друг Андрей. Знаешь, как говорят англичане, с такими друзьями нам не нужны враги.

– Я надеюсь, Алла, вы привыкли к его английскому юмору, к которому он никак не может приучить советских чиновников. Но он настырный и никак не хочет отказаться от этой безнадежной идеи.

Серж договорился встретиться с Андреем в японском ресторане «Сакура» завтра вечером.

Ресторан «Сакура», один из первых японских ресторанов в Москве, располагался в знаменитом торговом центре Хаммера. Серж часто встречался с Андреем в этом ресторане: оба любили японскую кухню и одновременно могли поговорить в спокойной обстановке. Серж сам познакомил Андрея с японской кухней, когда тот был в Лондоне с правительственной делегацией, проводившей переговоры по межправительственному торговому соглашению. Лондонский ресторан «Сантори» со специальным залом «тапаньяки» произвёл на Андрея такое впечатление, что он загорелся желанием организовать в нём ужин и для своего босса, Александра

Владимировича Араксина, заместителя Председателя Совета Министров, курирующего внешнюю торговлю.

Серж работал в лондонском Сити уже больше пяти лет, он прекрасно говорил по-английски и хорошо знал Англию, а в Лондоне он просто души не чаял. Его увлечённость работой, глубокое знание страны, где он работал, произвели хорошее впечатление на заместителя предсовмина. После ресторана они втроём ещё долго сидели в гостинице «Черчилль» в номере Араксина. Это был явный знак расположения высокого чина к Сергею и его другу. Сергея удивила та откровенность, с которой Араксин высказывался о многих государственных и партийных руководителях страны. Он помнил слова Андрея:

– Брежнев любит Араксина. По словам генсека, Араксин – единственный, кто может простыми словами объяснять сложные хозяйственные проблемы, связанные с экономикой и финансами.

Вот и тогда Александр Владимирович доступно объяснял двум молодым людям, что все разговоры о том, чтобы догнать и перегнать Америку, останутся пустым звуком, если мы не сможем в корне поменять нашу систему управления хозяйством. Самое главное заключалось в том, чтобы система сама провоцировала труженика работать больше и лучше, чтобы все вовлечённые в процесс управления и производства увидели, что с уравниловкой покончено.

– Слишком просто, да? – посмотрел на Сергея Араксин.

– Да нет, мой отец любит говорить, что, если человек не может объяснить на пальцах, как работает ядерная бомба, значит, он и сам этого не знает. С тех пор я понял, как важно уметь о сложных категориях говорить простыми словами, конечно, не упрощая сути.

– Твой отец – мудрый мужик, – заключил Араксин. И не удивился, когда узнал, что Сергей из простой семьи.

Этот вечер стал началом серьёзной дружбы опытного Араксина и успешно продвигающегося по службе во Внешторге Сергея...

В «Сакуре» Заболотский и Аксаков устроились за своим привычным столиком в углу ресторана. Андрей начал с того, что передал привет от Александра Владимировича, который искренне сожалел, что не может присоединиться к ним. Друзья, наслаждаясь суши, сашими и другими прелестями японской кухни, вели разговор о самом наболевшем и сложном – о пути, по которому должна пойти перестройка. Андрей начал первым.

– Ты понимаешь, нашего старика Араксина замучили. По его словам, все почему-то хотят ломать. А он хочет всего лишь переустраивать, что, опять-таки по его словам, намного сложнее, но является единственно правильным.

– Так я об этом и пишу в своей записке!

– Именно поэтому он и поручил мне переговорить с тобой перед твоим выступлением в Совмине. Понимаешь, в ЦК знают, что между вами очень хорошие отношения, поэтому каждое твоё выступление рассматривают как дань подчинённого. Но на этот раз не всё так просто. Дело в том, что в Совмин поступила подробная записка из КГБ, подготовленная их экономической службой. Так вот: и твоя записка, и записка Комитета чётко доказывают необходимость сохранения государственного влияния в стратегических отраслях. В их записке, как сказал Араксин, «подозрительно повторяется» твоя мысль о том, что для реформ нужны будут большие деньги, и эти деньги никакой Запад нам не даст просто так, и именно поэтому государство должно сохранить свой контроль над основными финансовыми потоками.

И вот что ещё буквально повторяется в ваших обеих записках: само слово «перестройка» настраивает людей на какую-то ломку, а это опасно, и было бы разумнее все преобразования проводить под лозунгом экономических и политических реформ. Некоторые могут отнестись к этому как к чисто формальному моменту, однако настрой на политику реформ, а не ломки стратегически более правильный.

– Ну и что хочет Араксин?

– Он хочет, чтобы ты в своём выступлении основное внимание сосредоточил на экономических проблемах, сделав ударение на необходимости создания валютного фонда для проведения реформ. Оставь политику для других.

– Ты понимаешь ведь, что не оставлю... И лезу я в политику не потому, что мне хочется ею заниматься, а потому, что сегодня в нашем обществе именно политики, а это значит ЦК, определяют экономический путь развития страны, так что именно с них надо начинать проведение реформ.

– И всё-таки, Серж, повторюсь, оставь политику для других... Слушай, что за красавица была с тобой вчера? Признаюсь, я не выдержал и рассказал своей Веронике. Она не поверила. Может, я напрасно это сделал?

– Нет, старик, всё в порядке. Я, наверное, познакомлю их.

– Неужели всё так серьёзно?

Серж ничего не ответил, просто улыбнулся так, как умел только он, а Андрей, как старый друг, хорошо знал, что означает такая улыбка.

1948—1952

Серёжка долго смотрел вслед уходящей полуторке. Ему не хотелось идти домой, и он зашагал прочь из города куда глаза глядят.

Город стоял на небольшой возвышенности. Серёжка медленно спускался с горы. Внизу весело плескалась прозрачная речка. Мимо с радостными криками и смехом пробежали его сверстники – они торопились купаться. Все вокруг спешили насладиться последними тёплыми деньками перед школой. И только Серёжка чувствовал себя здесь чужим, ему было не до шуток и веселья.

Уже в лесу Серёжка понял, что идёт к дяде Семёну. Лесник и его жена были дома. Тётя Лариса развешивала бельё во дворе, дядя Семён возился на огороде.

– О, Серый пришёл! – радостно воскликнула Лариса. – Ну что? Проводил свою циркачку?

– Проводил, – сказал Серёжа и заплакал.

– Ну что ты, солнышко моё, – заволновалась Лариса и прижала к себе мальчика.

Сергей от этого зарыдал ещё горше. Уже сама едва сдерживая слёзы, Лариса успокаивала его.

– Всё будет нормально, поплачь немножко... Ты знаешь, твой папа переживает за тебя.

В это время к ним подошёл Семён:

– Здорово, Серёга! Пойдём посидим, я расскажу тебе, как я сам первый раз влюбился, это ведь хорошее дело для нормального мужика. А ты у нас мужик хоть куда! Ты, наверное, и не знаешь, что моя Лариска влюблена в тебя по уши!

Серёжка перестал рыдать и уставился на Ларису круглыми от удивления глазами.

– Да, влюбилась. В него ещё многие будут влюбляться, – рассмеялась Лариса.

Откуда ей было знать, что для Серёжки эти слова звучали признанием в любви, которое он так и не услышал от девочки из цирка. То, что Лариса нравилась Серёже, было его самой большой тайной, а факт, что он видел её совсем голой, делал эту тайну страшной и опасной.

За чаем Серёжка уже совсем успокоился и возвращался домой окрылённый чувством гордости, оттого что красавица Лариса, эта тётя с красными волосами, любит его.

Начало учебных занятий в школе всегда было для Сергея чем-то вроде праздника. Он любил перелистывать новые учебники и часто читал больше, чем им задавали, опережая весь класс на несколько уроков. Получалось, что учителя, объясняя новый материал, рассказывали Сергею то, что он уже более или менее знал. Серёже это очень нравилось, и он сохранил эту привычку до окончания десятилетки.

От природы жадный на всякие открытия, он тянулся к занятиям, любил сидеть над домашними заданиями, чем вызывал искреннее восхищение у своего брата Аркадия, который уже заканчивал школу. Серёжа очень гордился братом: круглый отличник, его фотография часто появлялась в школьной стенгазете. Кроме того, Аркашка слыл неотразимым красавцем и балагуром. Когда он был в ударе, дом наполнялся весельем от его шуток и на ходу придуманных инсценировок. Аркашка был любимцем семьи. Одно только вечно тревожило мать – Аркашка не отличался крепким здоровьем. Об этом мало говорили в семье, но отец за столом всегда выделял ему лучшие куски:

– Ешь, Аркашка! Головой ты крепок – надо и о теле побеспокоиться.

Брат всё время пытался делиться припасёнными только для него мёдом и сливочным деревенским маслом с Серёжей, но мальчик отказывался:

– Нет, Аркаш, это – для тебя. Мне не надо...

Вот только отказаться от конфет Серёжка был не в силах.

Всё реже и реже Сергей вспоминал о своей циркачке, но у него появилось непреодолимое желание самому попробовать себя на сцене, перед толпой людей. Видно, нравилось ему, как публика встречала Людку Огаркову.

Ещё будучи совсем маленьким, Серёжка легко запоминал услышанные на базаре песни инвалидов войны, а потом пел их в кругу женщин из своего двора. Пел он от души, прочувствованно, как мать ждёт с войны своего сыночка, а он уже лежит мёртвый на чужой земле. Женщины плакали навзрыд:

– Варя, откуда он у тебя такой?

Перед Новым годом дядя Миша, двоюродный брат Серёжиного отца, взял мальчика на репетицию в местный театр. Дядя Миша был активным участником художественной самодеятельности. Одарённый большими музыкальными способностями, он умел играть почти на всех известных Серёже музыкальных инструментах, не имея специального образования. Но самым удивительным талантом дяди Миши был голос, который он унаследовал от предков – его прадед пел в местной церкви, и ходили слухи, что от мощного его голоса даже гасли свечи. Дядя Миша часто пел дома, репетируя перед концертами, и Серёжка наизусть знал весь его репертуар, начиная от «Вижу чудное приволье...» до «Скажите, девушки, подружке вашей...».

Впервые оказавшись на репетиции в городском театре, Серёжа с жадностью слушал все выступления, а когда дядя Миша запел «О, Роз Мари, о, Мэри...», мальчик стал тихо подпевать ему. Руководительница художественной самодеятельности, пышная и ласковая женщина, обратила внимание на Серёжку. А когда узнала, что он племянник дяди Миши, запросто предложила:

– Если ты, мальчик, любишь петь, спой нам что-нибудь!

Серёжку не надо было просить дважды, он как будто всю жизнь ждал этого приглашения. Он встал и звонким голосом затянул: «Вижу чудное приволье, вижу реки и поля...» Все замерли. Даже дядя Миша не ожидал, что Серёжин голос зазвучит так сильно и красиво. Так Серёжка стал солистом в самодеятельной группе при театре. Но на этом его «карьера» не закончилась: руководительница художественной самодеятельности попробовала Сергея и в спектаклях. Первая же роль Саши Бутузова в пьесе Михалкова «У них есть Родина» сделала Серёжку звездой местного значения. Многие женщины, посмотревшие этот спектакль, говорили Серёжиной матери:

– Знаешь, Варя, видели такую трогательную пьесу! В ней мальчишка из детдома играет очень здорово и так на твоего Серёжку похож!

– Вот дуры! Так это же и есть мой Серёжка, – улыбаясь, отвечала Варя.

Сам же Серёжа тогда ужасно хотел, чтобы его на сцене увидела Людка Огаркова...

В семье и школе все знали, что Серёжка хочет стать артистом. Директор школы, тот самый, который запомнил мальчика ещё с первого класса, когда Серый ухитрился ходить в обе смены, как-то вызвал «артиста» к себе. Разговор предстоял серьёзный. Директор решил сразу «взять быка за рога»:

– Это очень хорошо, что в нашей школе есть такой способный мальчик-артист. Но смотри, чтобы твоё увлечение сценой не повлияло на успеваемость. Ведь ты у нас отличник! Обещаешь продолжать учиться на отлично? А то мы вынуждены будем...

Серёжка даже не дал договорить директору и сходу выпалил:

– Да, да, я обещаю!

Он так боялся, что кто-нибудь встанет на дороге его новой театральной жизни.

– Ну что ж... Хорошо. Тогда иди на уроки.

Серёжка уже открывал дверь директорского кабинета, когда услышал:

– Ну а целоваться с девчонками ты продолжаешь?

Мальчик остановился и, не поворачиваясь к директору, смущённым голосом ответил:

– Сейчас – нет.

И выбежал из кабинета.

Серёжка и сам не понимал, что стал очень популярным мальчишкой, если не во всём городе, то, по крайней мере, в школе и в своём районе. Когда во время дневного спектакля, на который пришли ученики многих городских школ, по ходу пьесы один из действующих героев, советский офицер, пытавшийся вывезти из Германии попавших туда во время войны советских детей, сказал:

– Позовите Сашу Бутузова, – и на сцену вышел Серёжа, весь зал загудел:

– Се-рый, Се-рый, Се-рый!!..

Увлечение театром не особенно нравилось матери Серёжки.

– И чего хорошего! – говорила Варя. – Артисты – это весёлые нищие.

И всё-таки в душе она радовалась за сына и гордилась, что имя её Серёжи появлялось на театральных афишах. Артём успокаивал жену:

– Ты не дави на пацана. Пройдёт это у него! Помнишь, когда он первый раз попал в церковь? Тогда он всё гудел, что хочет быть церковным служкой, как другие мальчишки..

Удивительно, но зима проскочила быстро. Первомай и Пасха пришли почти одновременно. Серёжка всегда ждал этих праздников с нетерпением. Причин было две: к Первомаю ему обычно перепадала новая обувь, а на Пасху можно было вдоволь поесть яиц и куличей. К этому Первомаю Серёжка готовился особенно тщательно – вечером он выступал в театре с новым номером: пел песню «Прощайте, скалистые горы» и танцевал чечётку под «Эх, яблочко!», сопровождал его дядя Миша на необычно большой губной гармошке.

В концерте также принимала участие физкультурная группа девчонок из женской школы: они строили «пирамиды», делали «мостики» и даже что-то танцевали. Поскольку их выступление было сразу после Серёжиного, он смотрел на них, уже сидя в зале рядом со своим другом Самвелом.

Старшая сестра Самвела Элка прыгала по сцене вместе с другими девчонками. Раньше Сергей не обращал на неё никакого внимания. Но сегодня, когда он наблюдал из зала за Элкой, выступающей в спортивном костюме, сердце его сжалось.

Семья Самвела отличалась от других армянских семей. Во-первых, и Самвел, и Элка, и их родители были голубоглазыми и белокожими. Во-вторых, все в семье прекрасно говорили по-русски. А преподаватель русского языка даже называл Самвела, учившегося с Серёжкой в одном классе, армянским Ломоносовым. Самвел и Элка так же, как Сергей, были отличниками.

Отец Сергея Артём дружил с отцом Самвела Арташесом. Соседи по двору звали их «два Артёма – не разлей вода». Мужчины часто бывали в гостях друг у друга, где, сидя за столом, негромко вели длительные и очень откровенные беседы, свидетельствующие об их глубоком взаимном уважении и доверии.

Только сегодня Серёжа как будто впервые заметил, какие у Элки волосы: не такие яркие, как у Людки из цирка или тёти Ларисы, но тоже очень красивые – каштановые, с красной искоркой...

После концерта они все вместе возвращались домой. Серёжка всю дорогу молчал. Он только чувствовал, как холодеют его пальцы – верный знак того, что он снова влюбился. Засыпал он тревожно, вглядываясь в полусне в голубые Элкины глаза и любуясь её пышными каштановыми волосами с красноватым оттенком.

Все последующие дни вплоть до окончания школьных занятий Серёжка неоднократно принимался за письмо, вернее – просто записку. Он и сам точно не знал, что именно хочет написать Элке, но написать нужно было обязательно – ведь эта Элка даже не догадывалась о том, что Серёжа влюблён в неё. Много раз Сергей начинал письмо, но каждый раз, неудовлетворённый, он рвал листок или сжигал его. У Серёжки мелькнула было идея поделиться своей

тайной с Самвелом как с другом, но сама мысль, что его сердечная тайна станет достоянием не Элки, а кого-то другого, совсем не понравилась Серёже. Всё-таки она должна узнать первой.

– А может быть, просто подойти к ней и сказать, что я хочу с ней дружить? – мучился Серёжка. – Но как это сделать?

Случай представился неожиданно.

В конце мая отзвенел последний школьный звонок, и вольная жизнь закипела. Ребята целыми днями пропадали на речке: убегали туда с утра и возвращались только тогда, когда их одолевал голод. Однажды Элкина мать организовала весь двор, чтобы ей помогли постирать на речке ковры. Ковров оказалось много. Их погрузили на тачку, и мальчишки с девочками радостной гурьбой понеслись под гору. Серёжка старался изо всех сил, и Элкина мать постоянно его хвалила. Элка же не обращала на него никакого внимания. Наконец, Серёжа и Элка оказались на берегу совсем рядом, одни – все остальные ушли далеко вперёд по течению реки. Когда они вытаскивали из речки небольшой ковёр, Серёжа вдруг почувствовал прикосновение Элкиного плеча и замер. Он не мог ничего поделаться с собой, перестал тянуть ковёр и стоял не двигаясь. Элка заметила это, быстро взглянула на него, взмахом головы отбросила со лба намокшие каштановые волосы. Серёжка не выдержал. Он отпустил ковёр и с трудом выдал из себя заветные слова:

– Я хочу с тобой дружить...

Элка сама вытащила ковёр на берег и выпалила:

– А как же твоя циркачка? Думаешь, я не знаю?!

– Циркачки давно уже нет, – опять еле слышно пролепетал Серёжа.

– Ну и что, как нет! А всё равно ты её любил! А любить надо только один раз, так говорит моя мама!

Руки у Серёжки превратились в ледышки, хотя солнце полыхало в зените. Он не знал, что сказать, и только смотрел на Элку умоляющими глазами.

– Я хотел тебе написать... – робко начал он.

– Ну вот и напиши, – с озорной улыбкой предложила Элка и побежала по берегу догонять остальных.

Когда все отправились домой, Серёжка остался на речке. Неподалёку на поляне за водокачкой всегда собирались местные блатные и резались в «буру» на деньги. Серёжа любил стоять рядом с другими мальчишками и наблюдать за картёжниками. Если пацаны стояли молча, их редко отгоняли. Играли здесь одни и те же парни, звали они друг друга только по кличкам. Серёжка знал их в лицо. Иногда появлялись и новые, но они почему-то быстро исчезали, называли их «залётными».

Отец Сергея не терпел никаких азартных игр и был бы очень недоволен, если бы узнал, что его сын «отирается» возле блатных картёжников. Но родители того поколения многого не знали о своих детях, особенно о сыновьях.

На поляне Серёжка встретил своего брата. Аркашка был с друзьями. Из-под мышки у него торчала короткая бита с нанизанными на неё металлическими кольцами. Сергей знал, что в отличие от него Аркашка не драчун и носит биты для защиты. Аркашкина девушка жила на краю города. Часто, особенно летом, брат возвращался домой поздно, потому такая бита была для него вещью необходимой – в пригороде не любили «чужаков». Но зачем Аркашке бита сейчас, днём? Неужели кто-то хочет «отметелить» его старшего брата? Только от одной мысли об этом Серёжка пришёл в такое неистовство, что был готов наброситься на любого, кто посмеет тронуть Аркашку. Но на поляне Аркашка стоял в окружении друзей, и это успокаивало Серёжу.

Вскоре старший брат удалился со своей компанией, наказав Сергею отправляться домой. Но мальчик продолжал следить за игрой. Деньги пачками переходили из рук в руки. Это захватывало – оказывается, так легко и быстро можно получить целую кучу денег. Вокруг играю-

щих толпились и пацаны с соседней улицы, с которой Серёжкина улица воевала. Один из них постоянно пытался оттеснить Серёжку и занять его более удобную для наблюдения позицию, но Сергей не уступал. Тогда другой пацан, стоявший по правую руку, неожиданно толкнул его, и Сергей полетел на землю, запнувшись за предательски подставленную сзади ногу оттеснявшего его мальчишки. Этого Серёжа стерпеть не мог. Он бросился на своего обидчика с кулаками и сразу оказался в кругу троих врагов с соседней улицы. Видно, не знали они, что Сергей умел драться как никто другой. Серёжка сначала отскочил от них. Вообще, у него было желание убежать, но за дракой уже следили несколько человек, и выглядеть трусом ему совсем не хотелось. Он приготовился: трое сверстников надвигались на него. Сергей, не дожидаясь нападения, дал ногой в пах самому толстому из них, и тот, заорав, упал. Толкавший его пацан схватил Сергея сзади и тут же, получив сильный удар затылком в нос, отпустил Серёжку, который в ярости бросился на последнего обидчика. Ударом головы Серёга до крови разбил ему нос и продолжал лупить его кулаками, когда более взрослый парень, как потом оказалось, старший брат одного из нападавших мальчишек, залепил Сергею в глаз. Сергей, наполовину ослепнув и уже ничего не соображая, полез и на большого парня. Но в это время наблюдавший за дракой блатной по кличке Лоб так врезал некстати вмешавшемуся в потасовку взрослому парню, что тот, прикрыв лицо руками, завопил на всю округу.

– Во сука! Пацан один дерётся с тремя, а этот ещё лезет! Молодец, малый, на... ачил ты им.

На этом всё закончилось. Сергей отошёл в сторону, прикрывая глаз рукой. Он был уверен, что синяка или, как называли мальчишки, «фонаря» ему не избежать.

На полпути к дому Серёжка встретил Самвела, который, освободившись от ковров, возвращался на речку, чтобы присоединиться к нему. Серёга рассказал другу о драке, и Самвел очень жалел, что его не оказалось рядом: дрался он тоже будь здоров. Зато у Самвела нашёлся пятак, который Серёжка приложил под глаз, чтобы наливающийся синяк побыстрее рассосался – так делали все пацаны.

– Ты знаешь, они теперь от тебя не отстанут. Ты не ходи туда один! Будем всё время вместе – пусть попробуют, – рассуждал Самвел.

– Да у меня есть финка, я им и сам врежу, – по-геройски твёрдо заявил Серёга...

Летом театр готовил новый спектакль, и Серёжку пригласили на роль мальчика-негритёнка. По ходу пьесы он должен был танцевать чечётку, которую к этому времени он уже мастерски освоил. Ему нашли клетчатую голубую рубашку, называемую ковбойкой, и приличные брюки. Лицо и руки перед каждым спектаклем вымазывали жжёной пробкой, так что негритёнок получался сравнительно неплохой, вот только голубые глаза никак не вязались с коричневым лицом. Но на это руководительница труппы как-то пошутила об альбиносе.

В разгар школьных каникул по городу поползли слухи, что в местном театре появился негритёнок, якобы сын известного американского негра, который убежал в Советский Союз от гонений у себя на родине. Интрига раскрылась, когда состоялся дневной спектакль для детей, и к общему разочарованию ребятни они узнали в негритёнке Серого. Серёга с таким чувством танцевал чечётку, что заразил всех своих сверстников, и после спектакля во дворах и на улицах мальчишки и девчонки, надев свою лучшую обувь, пытались повторить Серёжину дробь. Оказалось, совсем не просто отбивать ритм ногами, так что ребята после этого прониклись к Сергею ещё большим уважением.

Вот только с Элкой ничего не получалось. Начинался новый учебный год, а письма Серёжа так и не написал.

Мало того что Элка училась в женской школе, так Серёже ещё и со сменами катастрофически не повезло: сам он учился в первую, а Элка ходила во вторую, – так что, когда Серёжка возвращался из школы, Элки дома уже не было. И только вечером во дворе во время игр

у Серёжи была возможность видеть свою безответную любовь. Элка всё ещё сильно нравилась ему, в мечтах он держал её за руку и даже целовал...

За лето Сергей подрос и повзрослел, многие учителя не сразу узнавали его, что вызывало у Серёжки недоумение. В классе пошли разговоры, что самых достойных учеников скоро будут принимать в комсомол. В душе Серёжа не сомневался, что достоин, но хотел услышать это от самой классной руководительницы, которая составляла список кандидатов на вступление в ряды ВЛКСМ.

Однажды после последнего урока к Серёжке подошёл Виктор Куликовский, известный всей школе старшеклассник, который последние два года был знаменосцем на первомайских демонстрациях. Виктор отлично учился и был капитаном школьной волейбольной команды.

– Слушай, Сергей, вчера на заседании комитета комсомола мы рассматривали кандидатуры семиклассников на вступление в комсомольскую организацию. Ты – в числе первых!

Сергей слегка растерялся.

– Ну что ты молчишь? Сам-то хочешь вступать?

– Конечно, хочу.

– Тогда давай так: вот тебе Устав ВЛКСМ. Читай, готовься, что будет непонятно – найди меня, я тебе всё объясню. Договорились?

– Договорились.

Сергей почувствовал радостное возбуждение. Первым желанием было найти своих друзей и срочно поделиться с ними – ведь они собирались вступать в комсомол все вместе. Как назло, близко никого не оказалось. Разочарованный и взволнованный, Сергей направился домой. Но тут его догнали закадычные друзья Самвел и Мишка! Серёжка сразу же заметил, что в руках у них тоже по Уставу. Всю дорогу ребята бурно обсуждали долгожданную новость.

В тот же день уже весь двор знал, что Сергей, Самвел и Мишка скоро станут комсомольцами.

Однако дома Серёжа был немало озадачен тем, что его отец не пришёл в бурный восторг от этой новости. Немного прояснил ситуацию разговор, услышанный Сергеем вечером, когда к ним в гости пришёл Арташес, отец Самвела. Мужчины часто вели откровенные и даже опасные в то время беседы на разные темы, но при этом никогда не пытались избавиться от присутствия своих детей. Единственно, Артём всегда напоминал:

– Всё, что вы здесь слышите, вас не касается. Смотрите, не болтайте! Станете старше – сами во всём разберётесь. А пока не вашего ума это дело!

Арташес поздравил Серёжу, а потом обратился к его отцу:

– Не волнуйся, Артём. Парни – молодцы, что стараются. Им это нужно. Ведь сегодня без этого нельзя.

– Да, я всё понимаю и согласен с тобой. Одно меня тревожит – чтобы они не стали как Павлик Морозов.

Сергею нравился дядя Арташес. Немного старше его отца, он был спокойным, уравновешенным, рассудительным. Варя говорила об Арташесе:

– Хороший мужик, умный, в нём совести на толпу хватит.

Жена дяди Арташеса тётя Ашхен была замечательной кухаркой, и Серёжка обожал поесть у них дома. Особенно полюбились ему лаваш и мацун. Серёжа помнил, как на дне рождения его отца Арташес встал и сказал такую речь:

– Понимаешь, Артём, у нас, у армян, за столом, особенно по праздникам, принято обязательно произносить тосты. Это мы делаем не потому, что любим поговорить, хотя и не без этого, а потому, что хотим поделиться со своими близкими всем, что есть у нас на душе: посоветовать и посоветоваться, признаться в любви. Как ты знаешь, я и моя жена выросли сиротами, в жизни нам пришлось многое испытать. Может быть, поэтому мы научились ценить дружбу, когда Бог дарит её нам, научились ценить друзей и быть верными им. Я благодарен

Богу, что он подарил мне такого друга, как ты. Ты для меня – как родной брат! Моя семья любит тебя. Живи долго!

Тогда, на следующий день после отцовского дня рождения, Серёжка стал расспрашивать свою мать, как случилось, что дядя Арташес и тётя Ашхен стали сиротами.

Варя рассказала сыну всё, что слышала от Арташеса и его жены о том, как они детьми чудом спаслись во время резни армян турками в 1915 году. Рассказ потряс Сергея до глубины души, тысячи «почему» мучили мальчика. Однажды он не выдержал и спросил напрямую у дяди Арташеса:

– А вы помните своего папу?

Арташес опешил от такого вопроса. Он обнял мальчика и севшим от волнения голосом ответил:

– Нет, не помню. Мне ещё не было трёх лет, когда турки убили его...

– А за что они его убили?

– Он не хотел продавать им свою землю на берегу большого озера.

– А почему не хотел?

– Потому, что это была наша земля, там родились мой дед и прадед.

– А разве за это можно убивать?

– Турки считали, что да.

– А в соседнем дворе живёт Витька-Турок. Он и в самом деле турок?

– Да.

– А зачем вы разговариваете с ним?

Дядя Арташес молчал. Серёжа поднял голову и увидел, как взрослый мужчина плачет. Сердце его сжалось от жалости и сострадания. С тех пор семья Арташеса стала для Сергея родной.

Устав ВЛКСМ друзья учили вместе. Сергей готовился и зубрил, терзаясь страшными сомнениями, – ведь четырнадцать ему исполнится только в феврале будущего года, а именно с этого возраста можно было стать комсомольцем. Своими переживаниями он ни с кем не делился и держал их в тайне. Друзья приписывали его нервозность обычному волнению. Но вопреки всем тревогам перед новогодними праздниками состоялась наконец торжественная церемония, и Серёжу, Самвела и Мишу приняли в комсомол.

Элка узнала об этом одной из первых.

– Ну и что здесь такого, подумаешь! А вот письмо ты так и не написал! – ехидно заявила она.

– Я не хочу писать, я хочу сказать.

– Так говори!

– И скажу! Я люблю тебя!

– Вот дурак! Тоже мне новость! Да об этом последняя собака знает в нашем дворе! А моя мама говорит, что ты ещё маленький!

Внутри у Серёжки всё заледенело, а потом как будто оборвалось.

– А ты – дура, и мать твоя такая же! – и побежал к себе домой.

Дома он повалился на кровать, уткнулся в подушку и разрыдался...

Сергей постоянно читал, и ему нравилось, что герои многих книг вели личные дневники. Вечером он достал толстую тетрадь в клеточку и сделал свою первую запись: «Лучше бы я её не любил!» Дальше у него ничего не получалось. Эмоции захлёстывали Серёжу: ему было досадно, горько и обидно, что Элка так безразлична к его чувствам. Очередная мысль поговорить об этом с Самвелом, ведь они друзья, была Сергеем решительно отвергнута. Дневник стал для него единственным в своём роде спасением – именно в дневнике Сергей изо дня в день признавался Элке в любви, и после каждой новой записи ему становилось легче. И ещё жила

мечта о том, что когда-нибудь он всё-таки прочитает это голубоглазой армянке, покоровившей его сердце.

Новый год не принёс никаких изменений. Серёжка хотел подарить Элке на праздник томик стихов Пушкина, но когда встретил её в кино с девятиклассником из своей школы, то резко изменил прежнее решение и отдал книгу Самвелу. Весной он сжёг тетрадь со всеми признаниями и начал новый дневник, в котором для Элки уже не было места...

Одно событие изменило многое в жизни мальчика и его мировоззрении.

Сергей уже давно подметил, что Аркашка, собираясь на очередное свидание со своей девушкой, всегда берёт с собой или нож-финку, или окольцованную битую. Для себя Серёга это связывал с поздними возвращениями брата и защитой от хулиганья. Но недавняя встреча заставила его думать иначе.

Летним вечером около городского кинотеатра к Сергею подошёл местный бандит по кличке Осёл, за которым тянулась дурная слава. Дыша перегаром, он толкнул Сергея в плечо и процедил:

– Пацан, где прячется твой брат? Мне с ним надо рассчитаться.

Тут Серёжке всё стало ясно. Вот перед ним стоит гад, который открыто охотится за его Аркашкой. Кровь вскипела от ярости, пелена ненависти встала перед глазами, и Сергей, не помня себя, выхватил из кармана финку и бросился на громилу. Осёл обалдел от такой наглости малолетки. Неизвестно, что произошло бы дальше, если бы не оказавшийся рядом старший брат Серёжкиной матери. Василий моментально сориентировался, схватил племянника в охапку и оттащил в сторону. Осёл исчез.

Но так оставить это дело Сергей не мог. У него созрел план.

Каждый вечер подвыпивший Осёл возвращался домой. Напротив его дома росло пышное раскидистое дерево, называемое местными белолысткой. Именно белолыстку облюбовал Сергей как наблюдательный пункт. В одну из ночей Сергей дежурил на дереве, скрытый густой листвой. Редкие облака плыли по тёмному небу, время от времени прикрывая луну. Серёжа ждал. Вот на углу улицы появился Осёл. Он шёл медленно, пошатываясь. Один. Серёжа знал, что Осёл только что распрощался с дружками, – результат трёхдневного наблюдения за домом врага, которое Сергей проводил с целью разведать привычки Осла, чтобы правильно рассчитать удобный момент для нападения, ведь второго шанса не будет – их силы слишком неравны. Поравнявшись с деревом, Осёл остановился. Калитка в дом располагалась как раз напротив. Момент был самый подходящий. Сергей на мгновение оцепенел, его сердце колотилось так, что, казалось, ещё минута – и оно выпрыгнет из груди. В коленях появилась неприятная слабость. Но злость и обида за Аркашку взяли верх, и Серёжа кубарем скатился с дерева на ненавистного злодея. Осёл рухнул мгновенно, издав непонятный хрип. Сергей оседлал его, вцепился руками в плечи. Враг не двигался... Серёжка из последних сил рванул домой и остановился только возле самой двери, чтобы перевести дух. Он весь дрожал, до конца не понимая, что произошло. До смерти напуганный мальчишка быстро заснул.

На следующий день город облетела сенсационная весть: Осёл был найден мёртвым на пороге собственного дома. Заключение врачей не вызывало сомнений: подвело сердце – покойный незадолго до смерти по обыкновению принял большую дозу алкоголя.

В городе только и говорили, что о смерти Осла. Многие радовались – это те, кто так или иначе пострадал либо от его буйного нрава, либо от налётов его банды на дома незащищённых горожан. Вспоминали, что разбой и воровство были «наследственной профессией» в роду у Осла – его старший брат входил в одну из группировок банды «Чёрная кошка» и был убит ударом острого булыжника в висок. Убийцей оказался молодой армянин, сестру которого бандит изнасиловал во время очередного грабежа. Что интересно, члены банды не стали мстить армянину за убийство подельника – главари сочли, что парень поступил правильно, «беспредельщиков» никто не уважал.

О смерти Осла сожалели только те, кто находился под его защитой и творил свои гадкие делишки в полной уверенности, что никто не осмелится связываться с ними из-за опасения мести со стороны Осла.

В доме Сергея узнали о смерти бандита от дяди Василия, того самого, кто так вовремя у кинотеатра вмешался в потасовку Серёжки и Осла. Эту новость Василий принёс с базара и, рассказывая подробности, время от времени бросал на Серёжу вопросительные взгляды, словно пытаясь разгадать, неужели его племянник каким-либо образом замешан в этой странной истории, по крайней мере, так казалось самому Серёжке. Но для себя Василий сразу отмёл страшную версию – ведь на теле не было никаких ран, да и вердикт врачей «разрыв сердца» звучал совершенно однозначно.

Серёжа, в свою очередь, заметил, что информация о смерти Осла изменила настроение Аркадия, и на сердце у него полегчало.

– Если тебя кто захочет отлупить, ты скажи мне, – со значением в голосе заявил как-то мальчишка своему старшему брату. – Я знаю, как с ними расправиться.

– Да ты кто такой, шибздик! Что ты можешь сделать? Ну ещё со своими пацанами ты можешь справиться, но куда ты лезешь?! Выброси из головы эти глупости!

Серёжка не обижался. Он один знал тайну смерти Осла. Никогда и никому он не расскажет об этом. Но в мальчишке с того дня поселилась на всю жизнь твёрдая уверенность в том, что зло можно наказать, нужно только этого захотеть.

1986

В Москве уже давно не случалось хороших зим. Сергей помнил, что, когда он впервые приехал в столицу в середине пятидесятых годов, московский климат был типично континентальным: зима – так это три месяца зима, а когда лето – то это лето. Сейчас ничего подобного не наблюдалось. В зимние месяцы температура иногда менялась так резко, что казалось, вот-вот набухнут и распусться почки на деревьях.

Природа или, как стали говорить, окружающая среда менялась в результате вмешательства человека, который не находил себе покоя и постоянно что-то предпринимал – то расщеплял атом, то менял направление течения рек, а то и вовсе устремлялся в космос, думая, что на земле всё само собой образуется.

Человек менялся тоже. Вернее, не сам человек, а его мысли, его отношение к жизни, к политическому и экономическому укладу общества, в котором он живёт. Это было особенно заметно в СССР. Сергей и его друзья прекрасно понимали, что в мире не существует идеальных политических и экономических систем, такова уж природа человека и законов, по которым живёт и развивается любое общество. Но многие всё отчётливее начали осознавать, что система в Советском Союзе просто не работает. Системы западных капиталистических стран, хотя и имели много серьёзных проблем, всё-таки доказывали свою жизнеспособность, постоянно меняясь и приспособляясь к новым обстоятельствам в обществе.

Знаменитое соревнование двух систем закончилось полным поражением коммунистической. Советский Союз проиграл, потому что был на принципиально неверных позициях. Общество, которое не опирается на частную собственность своих граждан, на их элементарные свободы, не может рассчитывать на успех в современном мире.

Сергей, как и многие его коллеги, работавшие долгие годы за границей, мечтал о реформах, и даже больше, чем другие. Он лучше других представлял, что менять систему так же трудно, как и менять человека. Собственно, изменение системы – это и есть в первую очередь изменение психологии человека. А это – процесс сложный и долгий, болезненный, поэтому требует не ломки (что может привести к разрухе), а продуманных реформ, конечная цель которых должна заключаться в создании в стране армии собственников, способных учиться, жить и работать в условиях так называемых рыночных отношений.

Сергей видел, что верх берёт стихия – ломать, ломать всё без исключения. Существующая система не может быть реформирована. Такова была платформа неизвестно откуда взявшихся специалистов-экономистов. С одним из таких специалистов Сергей схватился на совещании в Кремле у первого заместителя председателя Совета Министров. «Ломать – не строить!» – бросил реплику Сергей, когда выступавший экономист говорил о необходимости коренной ломки.

– А вы что, знаете, как строить? – саркастически скривился оратор.

– Да. Представляю себе.

– Так мы тебе и дадим слово, – строго сказал ведущий совещание.

Сергей был готов. Он давно хотел не на бумаге (это он делал неоднократно), а в живом выступлении изложить отдельные аспекты своего видения новой системы в стране.

Все насторожились, так как знали, что предыдущий оратор пользуется поддержкой в Центральном Комитете партии, и многие просто не хотели вступать с ним в открытую дискуссию.

Сергей встал и, когда все успокоились, начал своё выступление, сдерживая волнение. Сидевший недалеко от него Заболотский подмигнул другу.

– Мы не можем, проснувшись однажды утром, сказать, что с сегодняшнего дня в нашей стране перестаёт действовать старая система и начинается рыночная экономика. Мы также

не можем начать всё ломать, не имея чёткой и детально разработанной программы строительства новой системы.

– Это общие слова! Что вы конкретно предлагаете? – прервал его экономист.

– Извините, это не общие слова. Это предупреждение о том, что нельзя упрощать пути решения этой поистине исторической задачи, которую мы хотим решить. Что касается конкретного предложения, то оно элементарно просто – нам необходимо иметь программу реформ по следующим направлениям: политическое устройство, промышленное и сельскохозяйственное производство, вооружённые силы, внешнеэкономические отношения, образование, наука, медицина, социальная защита населения и так далее. К разработке этой программы необходимо привлечь ведущих специалистов по соответствующим направлениям. Программа должна быть опубликована, по ней должны быть организованы дискуссии во всех средствах массовой информации, после чего она должна стать, если хотите, руководством к действию.

Программа должна объявить частную собственность и свободу личности как незыблемую основу нашего общества. И в связи с этим в программе должна быть чётко определена политика приватизации, которая создаст миллионы собственников. Человек, проработавший на предприятии, скажем, сорок лет, имеет право стать его реальным акционером за чисто символическую плату.

И последнее – земля должна быть безвозмездно роздана людям, которые на ней работают.

Сергей сел. Видно было, что он волновался. Воцарилась полная тишина.

– Научил нас уму-разуму. Ты что думаешь, ты один умный, а здесь все дураки?

– Не все, – тихо, но так, чтобы его услышали, сказал Сергей.

– Всё. На этом закончим, – закрыл совещание первый вице-премьер.

После совещания только Андрей Заболотский подошёл к Сергею.

– Я тебе позвоню. По-моему, то, что надо. Я следил за Александром Владимировичем, кажется, он одобряет.

Сергей ехал в министерство со смешанным чувством.

– Чего я один лезу? Мне что, больше всех надо? – думал он. И сам же мысленно отвечал, что никогда бы не простил себе, если бы промолчал.

Не успел он войти в кабинет, как ему позвонил министр и попросил зайти.

– О вашем выступлении было доложено премьеру. Он мне уже звонил. На этой неделе он будет докладывать Генсеку. А у вас есть программа или идеи по Внешторгу?

Сергей ожидал этого вопроса, поэтому захватил с собой уже давно сформулированные и отпечатанные предложения по реорганизации управления внешнеэкономической деятельностью.

Документ состоял из четырёх страниц. Министр внимательно прочитал его.

– Ну что, мне нравятся ваши идеи, хотя они не во всём совпадают с точкой зрения других отраслевых министерств. Вы ведь прекрасно знаете, что все хотят самостоятельно, без Внешторга, выходить на внешние рынки, все хотят торговать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.